

У КАЖДОГО ИЗ НИХ ЕСТЬ ТАЙНЫ,
КОТОРЫЕ ХРАНИТ ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ ЛЕСОВ
ТУМАННЫЙ ГОРОДОК ЭТТОН-КРИК.

ВИКИ ФИЛДС

ШКАФ

С НОЧНЫМИ КОШМАРАМИ

ИСКУПЛЕНИЕ ТЬМОЙ

Искупление Тьмой

Вики Филдс

Шкаф с ночными кошмарами

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Филдс В.

Шкаф с ночными кошмарами / В. Филдс — «Издательство АСТ»,
2022 — (Искупление Тьмой)

ISBN 978-5-17-138898-0

Кая Айрленд умерла. Но это не самое страшное, ведь смерть лишь для других конец, а для нее – начало истории. Теперь, когда стала известна правда о ее роли в этой жестокой игре, Кая должна отыскать ребенка Криттонского Потрошителя. Она уверена, что этот ребенок – ключ ко всему происходящему. Аспен в коме, Скалларк исчезла, но помощь приходит с неожиданной стороны. Настал момент, когда семейные тайны обнажаются и правда, которую так тщательно скрывали, выходит наружу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138898-0

© Филдс В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава I	6
Глава II	23
Глава III	37
Глава IV	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Вики Филдс

Шкаф с ночными кошмарами

© Филдс В., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Сюжетная линия очень хорошо проработана автором. Все происходит последовательно. Карты раскрываются в процессе чтения, и все становится на свои места. В общем, я очень рекомендую этот мрачный триллер с элементами ужасов. Будьте готовы к тому, что вы не уснете этой ночью, если возьмете в руки книгу».

Евгения Беситанных

«Очень круто, необычно и неоднозначно. Постоянно в напряжении, как будто ждешь, что же там дальше, что за поворотом...»

Наталья Ким

Глава I

Секреты Каи Айрленд

10 декабря 2012

Все началось в понедельник.

Моя подруга Селена Нэтвик снова завела старую песню, восхваляя спортивную команду, прибывшую на соревнования из соседнего городка. Мы как раз направлялись в школьную столовую, когда она сказала:

– Кстати, ты сегодня у нас? Мне бы не помешала твоя помощь в математической статистике.

– Сегодня понедельник, приехал папа. Мама в восторге.

– Серьезно? – Селена резко повернулась в мою сторону. Из-за этого ее ботинок соскользнул со ступеньки, и она, чтобы не упасть, схватила мой локоть. – Это отличная новость. Будет ужин? Романтический?

– Если и да, я не знаю об этом.

– Мм... а на следующей неделе? Кая. – Селена остановила меня. Выражение лица у нее было серьезное. – Мне нужна твоя помощь, так что не притворяйся, что не видишь меня, ладно?

– Я вижу.

– Фигура речи! – воскликнула Селена, сжав виски. – У меня сейчас взорвется голова! Экзамены через месяц, а мне кажется, что я ничего не знаю!

– Селена, не придумывай, – попросила я. Она закатила глаза так, что я увидела только белки. – Ладно, я это сделаю. Но не сегодня. Отец дома, мама выбралась из галереи, что случается довольно редко, так что я вне доступа.

Селена набрала полные легкие воздуха и громко вздохнула; так громко, что две девушки, скрывшиеся за двойными дверями, оглянулись на нас.

– Ладно. Спасибо и за это.

– Идем внутрь.

– Ты мой герой, ты знаешь это, да?

– Просто идем, – рассмеялась я. Селена подхватила меня под локоть и зашагала по ступеням вверх.

– Надеюсь, мы увидим кого-нибудь из их школы. – Она снова вернулась к обсуждению команды противника. – У нас такой маленький городок, что новые лица не помешают... Ты видела его?

– Кого? – спросила я. Вокруг было шумно, голос Селены смешивался с голосами других учеников.

– Мне показалось, кто-то стоял внизу у лестницы и смотрел на нас.

Я резко обернулась, вцепившись в перила мертвой хваткой. Только несколько секунд спустя я почувствовала прикосновение к локтю – Селена переводила изучающий взгляд с меня на студентов внизу.

– Странно... только что он был там, клянусь.

– Никого там нет, – оборвала я и мысленно добавила: «Уже давно никого нет».

– ...Да, здесь не то, что в Эттон-Крик...

Мы с Селеной обернулись на голоса. Они принадлежали трем девушкам. Одна из них – высокая худосочная брюнетка с шелковистыми волосами. Они были короче, чем у меня, и

совсем другого оттенка. Мои – цвета воронова крыла, ее – ореховые, отливающие золотыми полосами у висков. Она была в кожаной куртке и черных джинсах. Рядом с ней шла девушка с черными вьющимися волосами, заплетенными в две косы. На ней была длинная красная юбка и укороченный черный свитер, открывающий одно плечо. Третья девушка была в черной шляпке, чудом держащейся на затылке. Ее темно-русые волосы локонами струились по спине и подпрыгивали при каждом шаге.

– И тут нет этой дурацкой школьной формы, – сказала девушка с косичками. Девушка в шляпке ехидно заметила:

– А мне казалось, ты любишь наши чулки, Кэмми.

– Не называй ее Кэмми, – шепнула брюнетка в кожаной куртке, но так громко, что даже мы с Селеной услышали. – Иначе будет взрыв.

– Не будет! – воскликнула девушка с косичками, обращаясь к брюнетке, и тут же возмущенно добавила другой подруге: – И не называй меня, пожалуйста, Кэмми. Звучит ужасно.

– По-моему, нормально, – сказала девушка в шляпке. – Звучит очень мило.

– О-шиб-ка, – протянула брюнетка, и девушка с косичками возмутилась еще сильнее:

– Почему ты говоришь со мной так, словно я какая-то истеричка?

– Скалларк, прекрати возмущаться, – попросила девушка в шляпке. – Кира, не зли ее. Иначе нас выгонят и из этой школы.

– Вообще-то нас не выгнали из нашей школы, – ответила Кира рассудительным тоном. – И это ты прекрати, Сьюзен. Да где же эта дурацкая кафешка?

– И вовсе она не дурацкая, – вмешалась Селена. Я медленно повернула голову в ее сторону, удивленная тем, что подруга встряла в чужой разговор, а она уже взбежала вверх, поравнявшись с незнакомками. – Привет, девочки, меня зовут Селена. А позади меня плетется Кая.

– Э-э... Я – Кира. Это – Скалларк и Сьюзен. – Она по очереди представила своих подруг, бросила на меня мельком взгляд и тут же обратила внимание на Селену, но та не дала шанса и словечка вставить:

– А давайте мы с Каей проводим вас в кафе? Здесь отличные оладьи! Говорю вам, девочки, оладьи – то, ради чего стоит жить!..

Все началось в понедельник.

Я сидела в столовой в компании новых лучших подруг Селены. Скалларк смеялась над шутками громче всех – даже ее косички подпрыгивали, Сьюзен смущенно хихикала, Кира сдержанно улыбалась.

Они говорили о школьной форме, о погоде. Селена постоянно называла меня по имени, очевидно стараясь включить в беседу. О погоде спросила я, и собственный голос показался мне противным и чрезмерно сдержанным на фоне веселых и звонких голосов новых знакомых.

– Не то слово. Да я солнца уже сто лет не видела, посмотри, какая у нас кожа бледная!

Скалларк мне понравилась, она совсем не стеснялась незнакомой обстановки и была уверена в себе. Когда Селена и Кира отправились за обедом, Сьюзен и Скалларк окружили меня, завалив вопросами о спорте и учебе. Я толком ничего не могла ответить, так как не участвовала в соревнованиях.

– Ты не пловчиха? – изумились девушки.

Я покачала головой.

– Нет, я не плаваю. У нас же мужская команда.

Они переглянулись.

– У тебя хорошее тело, наверное, ты много бегаешь?

Я кивнула, не вдаваясь в подробности. Я была сконфужена таким пристальным вниманием к своей персоне. В школе у меня не было ни друзей, ни врагов, я мало с кем общалась.

– Какой красивый парень.

Я проследила за взглядом Сьюзен и увидела юношу, сидящего через два столика от нас. Волосы у него были светлые, включенные; на плечах свободно висела клетчатая рубашка. Он сидел спиной ко мне, но приятель светловолосого, заметив мой взгляд, кивнул мне, и я, кивнув в ответ, немедленно отвернулась. Меня вновь застали врасплох.

– Это Ной Эллис, – сказала Селена, появившись за моей спиной с нагруженным подносом. У Киры был точно такой же. – Он очень классный!

Селена произнесла «очень классный» таким тоном, будто это разом описывало Ноя Эллиса. При этом подруга поиграла бровями, а девушки рассмеялись. Все, кроме Киры.

– Да, он неплох, но я не люблю блондинов.

– Ну не такой уж он и блондин, – насупилась Сьюзен, – у него волосы чуточку светлее моих.

– Сюз, – Скалларк оценила ее тяжелым взглядом и дернула за прядь из-под шляпки. – Он самый настоящий блондин. И глаза у него голубые. Садясь за столик, он на несколько секунд задержался взглядом на нас. И даже улыбнулся мне.

– И подмигнул, – добавила Сьюзен, помахав кончиками пальцев в сторону столика парней.

Я больше не оборачивалась и вообще отключилась, пока Кира мрачно не объявила, глядя куда-то мне за спину:

– И Леда пришла. – Я повернула голову и увидела высокую длинноволосую блондинку с профессиональным фотоаппаратом, висящим на шее на длинном ремешке. Волосы у девушки были белые, как у Снежной королевы, и Селена не преминула это прокомментировать:

– Никогда не видела таких белых волос у людей. Как-то жутко.

– А брови у нее темные, – заметила Кира, – наверное, красится.

– Сомневаюсь, что Леда красится, – заметила Сьюзен. – И брови у нее не такие уж и темные.

– Опять началось, – с досадой пробубнила Скалларк, делая большие глаза. – Вы можете прекратить препираться? Я устала, и из-за вас у меня пропал аппетит. Какая разница, красится Леда или нет?

– Могу поспорить, что нет, – продолжала стоять на своем Сьюзен. Ее голос был все таким же нежным, но во взгляде читалось упрямство. – Она и в детстве была беловолосая, поэтому ничего удивительного. Она не красится.

– Давайте оставим ее в покое? – вновь предложила Скалларк. Она фальшиво улыбнулась нам с Селеной и покрутила у виска пальцем. Селена поинтересовалась:

– Так она из вашей школы?

– Учится в моем классе, – подтвердила Кира. – Терпеть ее не могу.

– Почему? – спросила я.

– Потому что она лицемерка, – бесцветным тоном ответила Кира. Сделав несколько глотков из своей бутылки, она продолжила, игнорируя взгляды подруг: – Я вижу людей насквозь, и потому ненавижу, когда мне лгут.

– Она это делает? – спросила Селена, удивившись. Видимо, жуткая беловолосая девушка все же не показалась ей лгуньей.

– Она притворяется милой и слабой. Она на самом деле не такая. У нее комплекс жертвы, вот что я хочу сказать. Она намеренно провоцирует ребят из нашей школы на жестокость.

– И что вы делаете? – спросила я, и тут же за нашим столиком как будто стало холоднее. Сьюзен и Скалларк нахмурились, глядя на меня так, будто я перешагнула невидимую границу.

– Мы, – сказала Кира с нажимом, – ничего не делаем.

– Ее отец – один из ведущих хирургов в больнице, – вставила Скалларк. Ее голос был бодрым и легкомысленным, и я подумала, что она пытается разрядить обстановку за столом. –

В общем, лучше с ней не ссориться. Она не какая-то отмороженная девица, которая шатается по ночам и пьет пиво.

– Обычная девочка, – добавила Сьюзен, стрельнув глазами в сторону Киры, которая тут же нахмурилась. Я украдкой взглянула на Леду. Она держала в руках фотоаппарат и смотрела снимки. Худая, словно жердь, в черных легинсах и длинном бесформенном свитере белого цвета.

– Она ведь не в команде по плаванию? – спросила я.

– Нет, она наш фотограф, – сказала Скалларк. – Снимки с соревнований потом напечатывают в газете.

– И она отлично рисует, – добавила Сьюзен. – Мы состоим в художественном клубе. Рисунки у нее отменные.

– Так давайте пригласим ее за наш стол? – воодушевилась Селена, словно не понимая, что это не очень хорошая идея. Кира не стала молчать и мрачно пробубнила:

– Лучше не стоит. Если бы она хотела присоединиться, то уже бы подошла.

Вот это ложь, подумала я. Леда ссутулилась и низко опустила голову, явно переживая, что кто-то может окликнуть ее. Сомневаюсь, что она нашла бы в себе силы присоединиться к своим знакомым из школы.

– Отлично! – голос Скалларк прервал мои размышления. – К ней подсел наш странно-ватый куратор. Хотя я вот что думаю: лучше бы с нами поехал Дориан Харрингтон.

– Ага, – со смешком осадил ее Кира, – он даже не работает в школе.

– Работает, – опять вмешалась Сьюзен, – он наш учитель на замену по биологии.

– Правда? – Кира вытаращила глаза и приоткрыла рот.

– А кто это – Дориан Харрингтон? – оживилась она. Я едва не закатила глаза и не спросила с недоверием: «Ты серьезно?» Неужели ей действительно интересны эти люди? Она ведь их даже не знает и, возможно, никогда больше не увидит их вновь. А даже если увидит, они ее не вспомнят. Или она их. Я – так точно.

Но девушки тут же переключили свое внимание на мою подругу и вразнобой начали рассказывать о том, какой Дориан Харрингтон красавчик и все такое прочее. Мне откровенно наскучило их общество, но я молча пила воду. Дважды мне пришлось отказаться от угощений, а когда Кира попыталась всучить мне горсть миндальных орешков, Селена со смешком сказала:

– У нее аллергия.

Кира высыпала ей в ладонь миндаль и покачала головой:

– Паршиво. А у меня... – она запнулась, но тут же воодушевленно закончила: – Слава богу, никакой аллергии. Могу есть что хочу и когда хочу.

– Хвастунишка, – нараспев произнесла Сьюзен, улыбаясь.

Минуты текли утомительно медленно, и я уже устала сидеть в одной позе. Селена изредка бросала на меня понимающие взгляды, в которых сквозило предупреждение: *только попробуй смываться*. Я терпеливо ждала, когда прозвонит звонок, а до него еще было целых двадцать минут. Время будто смеялось мне в лицо.

– Через секунду вернусь, – громко сказала я и поднялась. Селена тут же всполошилась, спросив:

– Куда ты?

В ее голосе проскользнуло подозрение, но я ровным тоном ответила:

– Хочу купить еще воды.

Когда я отошла от столика на два шага, болтовня возобновилась, и я смогла вздохнуть спокойно.

– Ты уронила... – услышала я мужской голос и бросила взгляд на столик Леды, которая вздрогнула, когда к ней обратились. Ной Эллисс протянул ей яблоко, Леда тоненьким голоском поблагодарила его.

Когда я вернулась за стол, Кира подалась вперед и приглушенно спросила:

– Можно вопрос? Мы слышали, в этой школе произошло страшное преступление.

– Кира! – шикнула на нее Сьюзен.

– Ты чего? – зашипела с другой стороны Скалларк, нахмурившись.

– Я просто спросила, – начала оправдываться та, при этом пытливо глядя на Селену.

Потом перевела взгляд на меня, и я ответила, потому что Селена, казалось, потеряла дар речи:

– Она была нашей подругой.

Скалларк толкнула Киру в бок, а Сьюзен виновато пробормотала:

– Простите, девочки.

– Это случилось год назад, – продолжила я, потому что Кира не отводила взгляд. – Это сделал наш учитель литературы.

– Ладно, гм... прости, пожалуйста. Я не собираю сплетни, не подумайте. Я даже не могла предположить, что вы были знакомы.

– Это маленький городок, – спокойно ответила я, отвинтив крышечку с бутылки и сделав несколько больших глотков. Я была невозмутима, но чувствовала, что должна смыть неприятный комок в горле. Только после этого стало немного легче и голос Стивена Роджерса за моей спиной стих, а вместо него вернулись голоса студентов из кафе и Сьюзен.

– Давайте поговорим о парне позади нас. Хе-хе, – нервно рассмеялась она, покрываясь пятнами. Скалларк подхватила эту идею:

– Ага, он иногда поворачивает голову в нашу сторону. Будто подслушивает.

– Ной не такой, – возразила Селена, мигом забыв о неловком моменте минуту назад. – Лично мы не знакомы, но я знаю о нем только хорошее. Он добрый парень!

– Джек-потрошитель, может, тоже был добрым парнем, – влезла Кира, и тут я не смогла с ней не согласиться.

Когда подошло время прощаться, я ощутила такое непередаваемое облегчение, что даже улыбнулась. А когда Кира добавила напоследок, что чувствует себя немного виноватой за неловкость за столом, так как не всегда следит за тем, что говорит, осадок в моей душе полностью испарился. Кира оказалась похожей на меня.

Когда они ушли, Селена задумчиво произнесла:

– Слушай, можно подумать, Эттон-Крик довольно-таки страшный и мрачный город, а? – Я согласилась, и Селена продолжила, глядя вслед удаляющимся фигурам: – А мне кажется, что он не так уж и плох. Если судить по девчонкам, он спокойный и добродушный.

– У городов нет души.

– Мы могли бы подружиться с ними, как считаешь? Завтра сядем вместе с ними на трибунах.

Я кивнула, даже не догадываясь, что для меня завтрашний день не наступит.

* * *

Уроки закончились, и Селена вновь заставила мое сердце колотиться в рваном ритме, когда невнятно шепнула, беря меня под локоть:

– Кая, это опять он.

– Кто?! – Я обернулась и осмотрела школьную парковку, задержавшись взглядом на машинах преподавателей. Селена удивленно открыла рот.

– Что за... – Она уставилась на меня. – Этот тип стоял там! Судя по скептическому взгляду, ты мне даже не веришь, но говорю тебе, там кто-то стоял и смотрел! Уже второй раз за день!

– Ладно, но он уже ушел, – сказала я и поспешила к машине. Селена, чуть задержавшись, пошла следом. Устроившись на пассажирском сиденье, она спросила, не скрывая беспокойства:

– Может, это маньяк?

Я оторвала взгляд от футбольного поля, накрытого тенью от заходящего солнца, и посмотрела на нее.

– У нас в школе был только один маньяк.

Едва я сказала это, как тут же пожалела: от лица Селены мгновенно отхлынула кровь. Потупив взгляд, она отвернулась к окну. Я молча выехала с парковки, не желая обсуждать Стивена. Он мертв, как и Лили. Несмотря на то, что он сидит за решеткой за убийство и изнасилование, *он не жив*, и я надеюсь, он еще долго будет заперт в клетке, засыпая и просыпаясь под визг заключенных, таких же безумных, как он сам.

Почему сегодняшний день – одно сплошное напоминание о прошлом?

– Прости, – сказала Селена. Я бросила на нее взгляд.

– Ничего. Предлагаю забыть об этом.

– Есть, солдат! – Селена, улыбнувшись, отдала мне честь и откинулась на сиденье. – Мне понравились девочки из Эттон-Крика. А тебе?

– Они милые. – Я следила за дорогой, но все же заметила скептический взгляд, направленный в мою сторону. – Это правда, – повторила я, – они милые. Кроме Киры. Она странная.

Селена хохотнула:

– Больше, чем ты?

– Может, как я. Но мне и не должны нравиться люди, которые на меня похожи, так?

– Так. Тебе в принципе не нравятся люди.

Я пожалала плечами, не желая спорить. Селена вернулась к обсуждению новых знакомых:

– Ну, в чем-то ты права. Кира немножко мрачновата. Но что, если и мы в выпускном будем такими же? Учитывая экзамены и мою математическую статистику... – Она демонстративно покосилась в мою сторону. – Ты ведь не позволишь мне стать мрачной, верно? Поможешь подготовиться к экзаменам?

– Помогу, если перестанешь говорить об этом.

– Хорошо-хорошо! Поговорим о предстоящем зимнем маскараде. – Следующие десять минут Селена восторгалась своим нарядом, украшениями для зала и прочими вещами, и на моей душе вдруг стало легко и спокойно.

– Может, нас даже кто-то пригласит... – мечтательно протянула она.

– Тебя приглашали.

– Ты права. – Селена погрузилась и принялась тереть пуговицу на кофте. – Но эти парни не моя судьба.

– Чего?

Селена смутилась сильнее.

– Ну, знаешь, судьба... Мм... когда ты и этот человек связаны на века вперед, когда ваши сердца бьются в такт... – Она уставилась на меня в поисках поддержки, но я не стала отворачиваться от дороги.

– По отдельности они никто, но вместе – единое целое! Они представляют что-то стоящее, потому что вместе они – огонь! Они вместе являются воплощением чего-то волшебного, искрящегося разноцветными искрами, способными поджечь и других людей. Но когда они находятся вдали друг от друга, они просто люди! Их глаза тусклые и даже губы блеклые и невзрачные, словно у мертвецов! Их волосы не сияют на солнце и не привлекают внимания, а улыбки кажутся насквозь фальшивыми. Они бензин друг для друга, понимаешь, Кая? Они тащат друг друга на себе в другие миры, заставляют друг друга бороться, переступать через страх, страстно любить. Просто жить. Хотеть от жизни большего.

Повисло тяжелое, звонкое молчание. Для моих ушей это была пытка, мне бы хотелось, чтобы Селена продолжила распалаться, но она ждала моей реакции. Я должна была что-то сказать, но не знала, что именно. Хотелось полюбопытствовать, а не пишет ли она тайком любовный роман, и еще спросить, не собирается ли она всерьез ждать человека-бензин.

– М-м-м, – протянула я, сворачивая на нашу улицу. Солнце светило прямо в глаза, и я надела солнцезащитные очки, лежащие на приборной панели. – Это... это...

– Ты думаешь, что я сумасшедшая, – заключила Селена. Я резко посмотрела на нее.

– Ни разу! – Я прочистила горло. – Просто это... понимаешь, для меня это сложно.

– Ты не веришь в любовь.

– Я *не* не верю в любовь, – с нажимом возразила я и, тщательно подбирая слова, продолжила: – Просто я не умею выражать чувства так, как ты. Но я... чувствую то же самое, что и ты.

– Ну ты и лгунья.

– Но мне понравились твои слова, – улыбнулась я. – Действительно понравились. Ты ведь знаешь, я просто...

– Ты камень.

– Нет, я хотела сказать, что не встретила такого человека, как ты описала. И ничего подобного я не чувствовала.

– Потому что ты думаешь только об экзаменах и военной академии, – поддела Селена, наклоняясь в сторону и махая мисс Бакли в окошко. Я остановила машину у кованых ворот и, стянув очки с носа, посмотрела на подругу:

– Ты права, сейчас я думаю только об учебе, но когда я полюблю кого-нибудь так, как ты описала, обязательно тебе расскажу. Честное слово!

Лицо Селены осветило заходящее солнце. Может, от этого ее глаза показались хитрее и ярче, чем они есть. Ее звонкий голос, наполненный иронией, стал звонче:

– И пусть будет так! Потому что кто, как не ты, заслуживает чувствовать себя любимой и в безопасности?

Я поморщилась и сказала, взмахнув рукой:

– Просто иди домой и предупреди маму, что сегодня мы с Джорджи задержимся. – Я бросила взгляд на наручные часы. – Что-то мне подсказывает, что она начнет уговаривать меня посмотреть с ней этот мультфильм про бешеную белку.

Слова о любви еще долго крутились в моем мозгу. Туда-сюда. Селена на самом деле часто выдавала нечто такое, что заставляло меня задуматься. Сегодняшняя беседа натолкнула меня на вопросы. Неужели в этом мире действительно есть люди, которые любят *так*? Есть ли кто-то, кто готов ради любви абсолютно на все? И что случится с таким человеком, который любит другого больше всего на свете? Что, если с возлюбленным что-то случится? Разве без любви такие люди могут существовать? А что случится с Селеной, если она полюбит кого-то так сильно, что начисто забудет о себе?

Нет, это не жизнь, решила я. Отдав себя другому, ты не живешь, а существуешь. И себе больше не подчиняешься.

Несмотря на такое умозаключение, я достала из сумки ежедневник и вписала в список желаний новое:

51. Найти истинную любовь

В музыкальной школе Джорджи было тихо и пусто. Подойдя к торговому автомату, напротив ряда сидений, я сунула в прорезь мелочь и нажала на сникерс. Достав для сестры шоколадку, я обернулась и тут же отпрянула назад – в опасной близости от меня стоял какой-то парень. Он шагнул в сторону, пропуская меня, а затем занял мое место у автомата.

Успокойся, Кая, – строго приказала я себе и с колотящимся сердцем устроилась в пластиковом кресле.

После того что тот *монстр* сделал с Лили, я странным образом реагирую на незнакомцев. А ведь этот юноша даже не выглядит опасным. Зря я напряглась.

Тем временем незнакомец купил пачку орешков и направился в мою сторону. Присев через одно кресло от меня, он со странной улыбочкой, будто мы друзья, принялся изучать мое лицо. Я несколько секунд делала вид, что ничего не замечаю, затем обернулась и наткнулась на взгляд, полный искреннего любопытства.

Щеки незнакомца порозовели, глаза сверкали.

Странный он какой-то.

– Мы знакомы? – тихо спросила я. Он вытянул длинные ноги, затянутые в черные джинсы, вперед и кивнул на батончик, который я по-прежнему вертела в пальцах, шелестя фантиком.

– Разве ты ешь такое?

Я покачала головой.

– Нет, это не для меня. – И зачем-то добавила: – У меня аллергия на орехи.

Он улыбнулся, будто в аллергии было что-то забавное.

– Да. У меня тоже.

Его голубые глаза смеялись. То ли надо мной, а может, просто так. В любом случае от его взгляда сделалось не по себе. Я всмотрелась в лицо незнакомца с той же пристальностью, что он в мое.

– Извини, – наконец сказала я, – я не всегда запоминаю лица людей.

Он не удивился и не расстроился, и в этот момент я почувствовала исходящее от него тепло. Этот незнакомец продолжал сиять, словно солнце в горячий летний день. Я еще никогда не встречала таких людей – которые раздаривают направо и налево хорошее настроение.

А он все буравил и буравил меня интенсивным взглядом глаз-льдинок и вдруг ошарашил:

– А если мы еще раз встретимся, тогда ты меня запомнишь?

Я не сразу нашлась с ответом. Отчего-то сердце екнуло в груди.

– Наверное, да. Но люди, которых я забыла, никогда не подходят ко мне во второй раз.

– А я подойду, – поспешно сказал он. – Главное, что я тебя помню, Кая. – Я в ответ нахмурилась, а он уже протянул руку: – Меня зовут Ной.

Я без раздумий пожала ее, поинтересовавшись:

– Ты учишься в этой школе?

– Нет, – он убрал руку и откинулся на спинку сиденья, – здесь учится мой младший брат.

Он мечтает основать свою рок-группу. Только не говори моей маме, а то она сойдет с ума.

– Не скажу. Так мы...

– Из одной школы, да, – закончил он. – Сегодня я видел тебя в кафе, в обществе ребят из Эттон-Крика.

Ах да! Тут я заметила его клетчатую рубашку, белую футболку под ней, густые встрепанные волосы. *Он ведь подсел не потому, что слышал о себе сплетни?*

Я размышляла над этим лишь секунду, а Ной уже отложил пачку с орешками на кресло позади себя, достал из кармана джинсов мобильный телефон и бросил в мою сторону вопрошительный взгляд:

– Можно с тобой сфотографироваться?

– Зачем? – удивилась я.

– Чтобы у меня были доказательства нашего знакомства. Я выложу фото в «Друзьях», и когда добавлю тебя, ты сможешь понять, что я не обычный незнакомец...

– Меня нет в «Друзьях» и вообще... в социальных сетях...

Я сконфуженно пожала плечами, но Ной не растерялся:

– Тогда просто сфотографируемся на память.

Между нами было кресло, но я все равно почувствовала непривычную близость, когда он склонился ко мне, вытянув руку с мобильным телефоном вперед. Я не стала отстраняться. Была удивлена, если не шокирована. Ощущение было странным, ведь обычно люди не заговаривают со мной ни с того ни с сего, а тем более мальчики из моей школы. Кроме Селены у меня даже друзей нет.

Ной – это солнце, решила я. Он – солнышко.

Мы ни о чем не разговаривали. Я не знала, о чем говорить и стоит ли задавать какие-нибудь вопросы, а Ной, казалось, не говорил, потому что чувствовал себя комфортно в тишине. Казалось, он ничего не спрашивает, потому что уже знает достаточно.

Тут тишина нарушилась, когда вниз по мраморным ступенькам скатился мальчик лет восьми и повис на руке Ноя, потянув его в сторону выхода. Мальчик помахал мне, весело улыбнувшись:

– Привет, Кая!

– Привет. – Я тоже махнула ему рукой. Движения были зеркальными: я делаю то, что делает эта странная семья. Они улыбаются, я улыбаюсь в ответ, они на прощание машут руками, и я машу тоже.

Прежде чем уйти, Ной пообещал, что завтра переборет страх перед моей кислой миной и присоединится ко мне за обедом.

И я принялась с нетерпением ждать завтрашнего дня.

– У тебя есть моя фотография! – напомнил он, улыбаясь белозубой улыбкой. – Не забудь меня, Кая.

Он шел задом наперед, а брат волок его за кончики пальцев.

А затем они оба исчезли, и коридор погрузился в тишину. Вновь все стало обыденным и серым. Я опустилась в кресло и посмотрела на экран мобильного телефона. На фотографии мы с Ноем едва уместились в одном кадре. Он ослепительно улыбался, а я лишь попыталась улыбнуться, чтобы не выглядеть рядом с ним призраком. Но все равно выглядела. Ярко контрастировала с его живым выражением лица, обаятельной улыбкой, ямочками на щеках и светлыми волосами.

Он подписал эту фотографию:

«Кая Айрленд и Ной Эллис, 10. 12. 12».

Я не забуду тебя, Ной.

Ни за что не забуду эти пронзительные глаза, добрую улыбку и мягкий тембр голоса.

* * *

Все закончилось в понедельник.

Отец все повторял, что страха на самом деле не существует, и я поверила ему. Сколько себя помню, я всегда пыталась скорее вычеркнуть из памяти все, что было связано с болью и страхом, пыталась локализовать болезненное место, срочно вылечить, чтобы *забыть*. Пыталась быстро разделаться с ним, пока он не парализовал все тело. Я всегда контролировала его. Но десятого декабря меня и мою восьмилетнюю сестру Джорджи похитил Стивен Роджерс.

Тогда я поняла, что вытолкнуть страх из сознания мало, – он вернется вновь. Вернется более сильным, придет вместе с Безнадежностью и Болью. Папа обманул. Он солгал, сказав, что страх находится в моей голове, – он выбрался наружу. Все отнял. Ничего не осталось.

Но я никогда не говорила об этом.

Я никогда не признавалась, что помню, что Стивен сотворил со мной; не признавалась ни родителям, ни врачам. Никто так и не узнал, что на самом деле случилось с малышкой Джорджи.

Я никому не говорила, что смех Стивена до сих пор преследует меня в ночных кошмарах. Я, бывает, просыпаюсь в поту посреди ночи и не могу понять, где нахожусь. Я дезориентирована, панически хватаю ртом воздух, пытаюсь наполнить горящие легкие, а в ушах сквозь пульсацию крови слышу смех Стивена. Не могу избавиться от него даже много лет спустя.

Я никому не признавалась, что помню каждую минуту боли. Не говорила, что, когда Стивен тщательно разрезал мою кожу на ребре, он включал Бетховена и просил меня наслаждаться музыкой. Не говорила, что помню, как Стивен зашивал мою кожу, заставляя впиваться ногтями в его плечо и сжимать зубы до боли. Он сшивал порезы и ночью разрывал их вновь. Не хотел, чтобы я истекла кровью. Он перевязывал мои раны, словно заботливый старший брат, и ночью вновь убирал повязки, чтобы продолжить наносить шрамы. Он хотел перенести их со своего тела на мое. Каждый из них. Каждый шрам, полученный в тюрьме.

Стивен сказал, я виновна в том, что с ним случилось. За испещренное лицо, за вывихнутую лодыжку, за сломанные пальцы, за перелом ключицы – я должна поплатиться за все. Двадцать четыре шрама.

Меня ждало еще много боли, но я терпела изо всех сил. Потому что где-то там, в темноте, среди тысячи коридоров, которые я вообразила в мозгу, в тесной клетке сидела моя сестра. Маленькая восьмилетняя девочка, которая не вынесет даже вида крови. Я терпела, потому что знала: если умру, монстр тут же отправится за ней, чтобы сделать то же, что со мной.

Поэтому каждую секунду я отдавала себе четкие приказы не терять сознание. Дышать. Я стискивала зубы до такой степени, что начинала ныть челюсть. Я заставляла себя смотреть, как по животу стекает кровь, заставляла себя смотреть, как Стивен сжимает мою скользкую кожу между пальцев и сшивает ее.

И я не кричала. После первого раза я больше никогда не кричала, потому что видела, что чудовищу доставляют удовольствие мои вопли. Его глаза наполнялись удовлетворением, хотели больше боли, больше криков, больше мучений...

...Но я об этом никому не говорила. Ведь это лишь *мой* секрет. Был мой и Стивена, но он мертв. Поэтому секрет мой и ничей больше.

Оказывается, и я умею хранить секреты. Я храню секреты даже от себя самой. Внезапно оказалось, что за ширмой тайны, где-то там, глубоко в подсознании, есть и другие вещи, о которых я никому не говорила. Но не потому, что не хотела признаваться, а потому что *забыла*.

Я никому никогда не говорила о мальчике с солнечной улыбкой. Он задержался в моей памяти всего лишь на несколько часов, а затем исчез, будто в моем мире его никогда не существовало. Так получилось, что Ной Эллис был секретом от меня самой. Я вырвала его из памяти, потому что нужно было запомнить другие вещи. *Более важные* вещи.

Ной Эллис был всего лишь прологом к плохой истории, а прологи никто никогда не запоминает. Запоминаются лишь истории. И лучше всего запоминаются истории с плохим концом.

* * *

13 декабря 2012

– Уверен, ты надеешься, что вас кто-то ищет, я прав? – Стивен задал вопрос и тут же склонился, словно думал, что я шепчу ответ, а он не может его услышать, потому что стоит с идеально ровной спиной. Я не шептала. Я ничего не говорила, потому что знала: любым словом могу вывести его из себя. Но мне хотелось задать вопрос. Неужели ему никогда не надоест меня резать? Резать и зашивать, резать и зашивать... бесконечно. *Бесконечно*.

Но Стивен и не ждал моего ответа; он провел липкой от крови ладонью по моим волосам, убирая их со лба, и, взглядываясь в мое лицо, задумчиво прошептал:

– Когда же ты умрешь?

Я ничего не говорила, потому что не хотела тратить силы на это животное. Он не заслуживает даже презрительного взгляда. Но я все равно не зажмурилась, потому что хотела, чтобы чудовище смотрело в *мои* глаза.

Я хотела сказать, что *никогда* не умру. Стивен бы рассмеялся надо мной, но мне все равно, потому что это правда. Я не умру, пока не вытащу Джорджи из клетки. Если я умру здесь, на этом складе, на этом грязном прозекторском столе, никогда себя не прошу. Потому что Джорджи все еще будет сидеть там, на соломенном полу, обхватив колени руками, и со страхом ожидать, когда вернется Стивен, чтобы теперь ей нанести раны.

Они будут хуже моих, потому что, когда я умру, Стивен придет в бешенство. Он лишь говорит, что хочет, чтобы умерла, но на самом же деле ему интересно, почему я все еще не сдалась. Ему даже в голову не пришло, что человека могут держать на ногах не только жажда мести и желание убивать, но желание защищать и спасти. Мое израненное тело вечно будет стоять между ним и Джорджи. Даже когда во мне иссякнет кровь, я найду способ защитить свою сестру.

Возможно, Стивен прочел это в моих глазах, потому что между его бровей залегла морщинка понимания, а взгляд стал более пронизательным. Он вздохнул:

– Я совершил тогда ошибку... с Лили. Она была милой девочкой. Красивой. Улыбчивой. Всегда улыбалась мне, посылала сигналы...

Ложь. Все, что он говорит – ложь.

Я сглотнула, переборов желание гневно возразить.

– Она была самой красивой девочкой в вашем классе. – Стивен погладил мои волосы, оставляя на них кровавые следы, затем склонился ниже. С отвращением я заметила, как он прикрыл веки и его ресницы затрепетали. – Я ошибся, – шепнул он, – когда решил, что Лили была самой красивой. Она была фантиком. Яркой оберткой, которую мне хотелось разорвать, посмотреть, что внутри. Внутри ничего не было. Пусто. Я должен был обратить свое внимание на тебя. На твои длинные темные волосы, которые ты собирала в хвост. На серьезный взгляд настоящего солдата, на темные глаза без тени улыбки... Твоя красота является чем-то большим, чем внешность. Я никогда не видел твоей улыбки, но готов спорить, что, когда ты улыбаешься, ты в сотни раз красивее!

Стивен восхищенно отстранился, но его лицо по-прежнему было рядом. Его глаза сияли безумством, были наполнены живым интересом, словно у мальчугана, родители которого вернулись домой с подарками. Его подарок я. Теперь он хочет разорвать меня.

– Ты увидишь мою улыбку только после смерти, – мои первые слова за сегодняшний день. Стивен поцокал языком, не выглядя расстроенным:

– Потому ты мне и нравишься. Ты напоминаешь мне меня самого – тоже не хочешь сдаваться.

Я сосредоточила взгляд на своем бывшем учителе.

– Ты все видишь именно так? – Он непонимающе моргнул. – Ты идешь до конца лишь потому, что не хочешь сдаваться? *Лили было пятнадцать лет.*

Стивен выпрямился. Перемены в его лице были едва уловимыми, но я все же почувствовала их, потому что знала, *что* значит этот взгляд. Стивен размышляет над моими словами, после чего ему придется сделать выбор: если он решит, что я говорю правду, он причинит мне боль. Если его мозг отвергнет слова, он засмеется и назовет меня «несообразительной глупышкой». Но Стивен не смеялся.

– За долгой беседой я почти забыл, с какой бессердечной тварью говорю, – протянул он, оценивая меня холодным взглядом. Фаза преобразования завершилась, он стал полностью другим. Я с трудом оторвала взгляд от его холодных глаз и посмотрела на то, с какой яростью

его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки ножа. Представила, как он срезает с моей ноги кусочек кожи.

Куда он ее деваает?

На самом деле я не хочу знать. Я где-то слышала, что преступники, *такие психопаты, как Стивен Роджерс*, даже могут *есть* своих жертв. Им кажется, что таким образом они впитывают жизненные силы, энергию людей, которых едят.

– Мисс Айрленд, – позвал меня Стивен, легонько встряхнув за плечо. Глаза внезапно обожгло от яркого света лампы над прозекторским столом. Я потеряла сознание? – Мисс Айрленд, тебе больно?

Если скажу «да», он захочет сделать большее. Если отвечу «нет» – тот же результат.

– Почему молчишь? – Стивен с улыбкой выпрямился. Я повернула голову, не отрывая взгляда от его высокомерного лица с насмешливой улыбкой. – Ты всегда молчишь. Я заметил это еще в школе. Почему? Боишься сказать какую-то глупость? А, нет, знаю. – Стивен делал свои безумные предположения, постукивая пальцами по подбородку. – Каждый раз, когда ты задавала вопрос, твой отец хорошенько выпарывал тебя ремнем, верно? Разве ты не хочешь поговорить с кем-нибудь?

У меня больше не было сил говорить.

Все стало черным.

Все как обычно.

* * *

Эти мучения будут длиться вечно. Я вымоталась и хочу уйти, но не могу бросить Джорджи. Без меня ей конец. Я тоже держусь за нее. Чтобы набраться сил, мысленно дотягиваюсь до нее и сжимаю в крепких объятиях. Говорю ей, что не позволю умереть. Говорю, что она вернется домой невредимой. Лгу ей об этом каждый день.

...

Когда Стивен бросил меня на пол клетки, я с трудом моргнула и вдруг поняла, что моя голова уже на коленях Джорджи. Она нежно убрала окровавленные волосы с моего лица. Поет песню, пытается успокоить и утешить меня. Или себя. Я не слышу слов. Я слышу только равномерный звон, шум крови, текущей по венам. Чувствую запах гниющего сена.

Сколько дней я смогу выдержать?

Когда нас найдут?

Уже нет сил бороться. Джорджи борется, а у меня не хватает духу. Стивен вытряхнул из меня все, что мог. Сколько дней прошло с момента похищения? Сколько дней прошло с тех пор, как он ранил меня впервые?

Справа вдруг раздался скрип: Стивен отпер клетку и поставил на бетонный пол металлический поднос с едой. Он лишь потому кормил нас, что боялся, что мы умрем до того, как он наиграется. По той же причине он зашивал меня и накладывал на раны повязки. Чудовище.

Джорджи пошевелилась и слабым голоском шепнула:

– Кая, ты должна что-нибудь съесть.

Мне повезло, что у меня есть Джорджи – маленький сгусток надежды на лучшее с кудряшками и испуганными глазами. Я согласно кивнула и, прикладывая немислимые усилия, попыталась сесть. Джорджи, увидев, что я двигаюсь, быстрыми движениями отползла к двери клетки и через секунду уже подтянула ко мне поднос.

Я приказала рукам действовать, но они не шевелились. Приказала энергии направиться в пальцы, чтобы взять плошку с бульоном и сделать глоток. Джорджи будто читает мысли – она взяла плошку и осторожно поднесла к моим губам. Я сделала глоток, прикрыв веки.

Я одновременно хотела и не хотела знать, о чем она думает. Надеюсь, думает, что выберется; что прутья клетки перестанут угрожающе сдавливать пространство. Но думаю, что глядя на меня, на мое испещренное ссадинами лицо, на пропитанный кровью свитер, прилипший к телу, на покалеченную ногу, она уже перестала надеяться. Она не верит, что выживет.

– Выпей, Кая, – прошептала она. Пластмассовые края коснулись моих губ, и я открыла рот. Сделала глоток, с успехом поборов приступ тошноты – бульон вместе с кровью попал в желудок, – и Джорджи тут же забрала посудину из моих пальцев. Она отставила ее на поднос и притянула меня к себе. Обняла меня маленькими ручонками, крепко прижалась.

В моих глазницах вскипели слезы, но я вскинула голову.

Держись, Джорджи. Она больше не задавала вопросов, действовала на автомате. Думаю, она спряталась. Думаю, у Джорджи в голове есть безопасное местечко. Это хорошо. Пусть остается там. Пусть не спрашивает, почему нас все еще не нашли. Пусть не спрашивает, где мама и папа. Пусть молча гладит меня по волосам, слипшимся от пыли, пота и крови. Пусть не плачет. Пусть продолжает смотреть на меня пустыми кукольными глазами.

Потому что, когда она выберется из клетки, она вернется в сознание и будет в безопасности. *Ей нужна помощь.* Я сделаю все для того, чтобы Джорджи вернулась домой.

* * *

13 декабря 2012

– Ной! Что ты делаешь?!

Ной даже не обернулся, когда мама вошла в комнату и плотно прикрыла за собой дверь, выкрашенную депрессивной черной краской.

– Почему ты не в школе? У тебя сегодня после обеда тест. Я специально звонила твоей учительнице, чтобы... – Тут мама заметила в его руках пачку бумаги. – Что ты делаешь?

– Мам, мне пора.

– Нет уж! – она схватила его за локоть. Миссис Эллис была невысокой и хрупкой, но очень грозной женщиной. Сыну она доставала до груди, однако это не мешало сверлить его напряженным взглядом таких же голубых, как у него, глаз.

– Ты опять идешь расклеивать листовки?

– Мама, Кая пропала. – Он повторил это в сотый раз. В тысячный. Он повторял это днями и ночами, чтобы его слышали. Казалось, никто ничего не делает. – Ты не понимаешь!

Мама глубоко вздохнула и подвела Ноя к кровати. Они сели рядышком.

– Ной...

– Я видел ее в тот день, – оборвал он, уставившись в пол.

– Вы учитесь в одной школе, и ты...

– Я разговаривал с ней. Я видел ее в школе Билли. Она сидела в кресле на первом этаже. Я даже сделал фотографию – она же никого не помнит!.. – Он поднял взгляд. Голубые глаза были большими от ужаса. – Я должен что-то сделать. Я не могу сидеть на месте. Я не могу. Я не знаю, где она. А вдруг она...

– Ной. – Мама тяжело вздохнула. – Ты и так многое сделал. Ты расклеил листовки по всему городу. Ты искал ее с поисковыми отрядами в лесу. Ты давно не спал. Ной... – Мама накрыла его руку, на которой выступили синеватые вены, и Ной сжался от дурного предчувствия. – Давай я пойду с тобой. Ты плохо выглядишь. Давай я помогу тебе. Не делай все в одиночку.

Он встретился с ней взглядом. Она всегда была такой – если не может контролировать, то будет заодно в любом деле. Он кивнул, и она слабо улыбнулась. Невесело фыркнула, встрепав его светлые волосы:

– Ну и денек. А я месяц назад запланировала столик в кафе, чтобы отметить твой день рождения!

* * *

– Как спалось, мисс Айрленд? – любопытствовал Стивен. Он придерживал меня за талию, когда вел к страшной комнате пыток. Был так близко, что я чувствовала исходящий от него запах свежести и чая. С его волос на мое плечо, выглядывающее из-под распоротого свитера, падали капли воды. Было холодно. Кожа горела от боли, я изнывала от желания смыть грязь и кровь.

– Тебе снились хорошие сны?

Мне не снятся сны. Мне ничего не снится. Я проваливаюсь в небытие и вынырываю из него, чтобы встретить лицо Стивена Роджерса, перечеркнутое чудовищным шрамом. Я возвращаюсь в реальность для того, чтобы без сопротивления следовать в его игровую комнату, где случится то же, что и всегда – пытка над моим разумом.

Стивен помог мне опуститься на металлическую поверхность стола. Процедура была стандартной: он стянул на моих запястьях и щиколотках ремни, будто все еще считал, что в любой момент я могу убежать.

Бросая взгляд то на меня, то на ремни, пока затягивал их, он произнес:

– Я все еще жду, когда ты сдашься и поговоришь со мной по душам.

Я перевела уставший взгляд на лампу над столом. Сонно моргнула.

– Нет.

– Нет? – Стивен немало удивился, и я обратила внимание на него. Он давно не слышал моего голоса – целую вечность. Внутри меня все тут же взбунтовалось: *не смотри на него, не говори с ним – он никто.*

Стивен выпрямился и скрестил руки. Раньше рубашка была белой, а теперь вся покрыта моей кровью. Готова спорить, он спит в ней. Может, даже принимает в ней душ.

– Ты хочешь, чтобы я сдалась, но не для разговора. – Стивен нахмурился, и его глаза наполнились противоречивыми эмоциями страха и сомнения. – Что с тобой случилось в тюрьме? Что случилось, когда заключенные узнали, что ты сделал с пятнадцатилетней девочкой? Что случилось, когда они поняли, какое ты ничтожество? Как быстро *ты* сдался?

Одним стремительным движением Стивен оказался рядом и схватил мои волосы в кулак. Я едва не вскрикнула. Плечи рывком оторвались от стола, вместе с этим напрягся пресс и на животе полопались швы. На мгновение я решила, что заплачу, но затем в глазах все прояснилось, и я увидела, насколько близко ко мне лицо Стивена. Наши носы почти соприкоснулись. Я увидела его длинные ресницы и глубоко посаженные красивые глаза. У него утонченные черты лица. Как у художника. Как у человека, который живет искусством. *Как у человека, который насилует и убивает девочек.*

– Ты хочешь утешить себя мыслью, что никто не сможет выдержать пыток, – прошептала я, и его взгляд мгновенно метнулся от моих губ к глазам. – Хочешь знать, что на твоём месте так поступил бы любой – сдался.

Я не договорила, потому что рот Стивена накрыл мой, и я сжала губы до боли. Почувствовала укус, но не отступила. Стивен отстранился и слизнул с моей нижней губы кровь.

– Даже если бы ты сдох в тюрьме, – сказала я, – все равно люди не стали бы тебя меньше презирать. Потому что ты ничтожество и всегда таким был.

Его кулак врезался в мой висок. Моя голова дернулась в сторону, и я снова подумала, что заплачу. Перед глазами поплыли круги, но слез не было. А даже если бы были, я бы не остановилась. Я буду продолжать. Молчать. Выводить его из себя. Главное – не сдаваться и не играть по его правилам. *Главное – не умереть.*

– Ты смотришь на меня свысока даже сейчас?! – Он приставил к моему горлу нож. Я затаила дыхание и не шевелилась. Смотрела, как сумасшедшие глаза Стивена едва не вылезают из орбит. Слушала, как его дыхание стало прерывистым, когда, проглатывая окончания, он пробормотал: – Ты сдохнешь, и никто не найдет твое тело.

Я не шевелилась: неаккуратное движение – и мне конец. Я все еще не дышала. Если сделаю вдох – это будет его выдох, полный ненависти и желания причинить мне боль. Пусть он выговорится.

И Стивен с удовольствием продолжил, вжимая нож в мою тонкую кожу.

– Это вы виноваты. Маленькие девочки с хорошенькими улыбочками. Никто не замечает меня. Никто никогда не смотрел на меня.

– В тюрьме тебя многие заметили. Готова спорить, замечали каждую ночь.

Стивен набрал полную грудь воздуха и выдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Как же мне заставить тебя замолчать? – Он сделал вид, что задумался, хотя я знала: план давно готов. Стивен все заранее продумал, ведь именно меня он винил во всем случившемся. Наверное, сидя в тюрьме, он мечтал сотворить со мной страшные вещи. Его рот растянулся в совершенно сумасшедшей усмешке.

– Может, отрезать тебе пальцы рук? Или, может, сломать каждый палец по отдельности? – Он выпрямился и склонил голову набок, наблюдая за моей реакцией. – А когда кости срастутся, я их вновь сломаю. И так снова и снова.

Он думает, что сможет жить на этом заброшенном складе вечно? Весь город рыщет в поисках этой крысы, сбежавшей из тюрьмы.

– Вижу, о чем ты думаешь, – с усмешкой протянул Стивен, постучав лезвием ножа по краю металлического стола. – Думаешь, тебя найдут. Кто-нибудь примчится к тебе на помощь. У меня для тебя новость: никто и не собирается спасать тебя. И никто никогда не найдет твое тело, которое я порежу на кусочки.

Как я и думала, он много фантазирует на эту тему. Я не показала, что боюсь. Возможно, я даже и не боюсь. Уже не знаю.

Стивен задумчиво очертил ножом мои скулы. Он не хотел озвучивать свой вопрос. Пытался спрятать очевидное любопытство, но тщетно.

Почему я не боюсь?

Я разлепила сухие губы. Сделала глубокий вздох. И медленно произнесла:

– Если я испугаюсь тебя, то проиграю.

И зажмурилась до боли.

Папа. Мама.

Я не боюсь.

Страх лишь в моей голове. Или я в голове у страха?..

Уже не так важно. Нет, мама, папа, я не сдаюсь. Я никогда не сдавалась. Я не сдалась, когда Стивен провел по моему горлу ножом. Мама, я не сдалась, когда в разные стороны брызнула кровь. Не сдалась, дернув обеими руками, закованными в ремни, когда попыталась прикрыть рану пальцами.

Я не сдалась.

Я не бросила Джорджи.

Я просто умерла.

* * *

Я ничего не почувствовала, когда открыла глаза.

На мгновение показалось, что Стивен Роджерс вовсе не вспорол мое горло, что кровь не хлестала из раны, забрызгивая мое лицо. Но что-то было не так. Мертвая тишина. Не такая. Только что она не была такой.

Стивена не было. Крови не было. *Ничего не было.*

Я сидела на краю операционного стола свесив ноги вниз, и мысленно обследовала свое тело. Провела ладонью по груди и животу. Одежда сухая, приятная на ощупь, у меня ничего не болит. Я спрыгнула на пол и опустила взгляд под ноги. Я в своих ботинках, не босиком, как прежде.

Что происходит?

Я обернулась вокруг своей оси, все еще ожидая... чего-то. Все странно. Неестественно.

– Потому что ты мертва.

Я резко обернулась, когда услышала позади себя этот призрачный голос, отразившийся от стен, предметов, скопившихся во тьме бесформенными кучами, и даже *тишины*.

Из темноты кто-то выступил, – я услышала его шаги.

– Ты действительно мертва, Кая Айрленд. Мне жаль.

Я молчала, потому что моя смерть была очевидна. Я не чувствую ни боли, ни страха, не испытываю ярости к Стивену...

– Ты Смерть? – *Я должна была спросить.* Несмотря на то, что он выступил из темноты, он все еще держался в ней. Он и был тьмой – сгустком мрачной силы, медленнодвигающийся вдоль стены. Он был на приличном расстоянии, но я все равно почувствовала неприятный запах, исходивший от него: пахло медом и сладостями.

– Зови меня Безликим. Меня все так зовут.

Фигура все еще находилась во тьме, поэтому разглядеть, как он выглядит, не представлялось возможным.

– Кто – все?

Он не ответил, но когда заговорил вновь, в голосе послышались снисходительные нотки:

– Да, я – Смерть.

Он не хотел разговаривать со мной. Я тоже не хотела говорить с ним, но сказала:

– Я не могу уйти.

Внезапно шаги прекратились, и я затаила дыхание. Не дышать оказалось проще, чем дышать, – теперь мои легкие были свободны от омерзительного запаха меда, который казался таким ощутимым на кончике языка, что приходилось постоянно слатывать. Лучше не вдыхать запах Смерти. Лучше не смотреть в его сторону.

– Не можешь? – осведомился он с нажимом. Я услышала вежливое удивление и сжала кулаки от отчаяния и тревоги.

Я могла бороться со Стивеном Роджерсом и делала это каждый день, каждую минуту. Я пыталась выстоять, потому что верила, что могу одолеть чудовище – он был из плоти и крови. Он не был непобедимым. А Смерть – да. Смерть – это конец.

– Ты ведь ничего не чувствуешь, – мягко заметил Безликий. *Может, я галлюцинирую, потому что потеряла много крови?* – Ты ничего не чувствуешь, но твоя душа не желает уходить из земного мира, – заключил голос. Безликий чем-то неуловимо напомнил Стивена. Такой же настойчивый в желании добиться ответа... Похожий на Стивена и в то же время – нет. Он не давил на меня, потому что *уже знал* все ответы, и ему не нужно было пытаться меня, чтобы получить их.

Вновь послышались шаги.

– Хочешь защитить свою сестру? – Голос у Смерти был бархатистым, нежным, совсем не страшным. В моей душе вспыхнул фитилек надежды.

– Да.

– И не уйдешь, если не сделаешь этого?

– Я не могу.

– Можешь.

– Нет, – возразила я, ощущая, как трепещет сердце в груди. – Я не могу уйти. Она моя младшая сестра. Ей всего восемь лет. Если я уйду, Стивен примется за нее, он сделает с ней то же, что и со мной... Джорджи не перенесет этого. – Я судорожно глотнула воздух. Говорить было сложно. – Когда Джорджи... когда Джорджи родилась, она была такой крошечной, что мама с трудом позволила взять ее на руки. Она не плакала у меня на руках, она лишь улыбалась. Я знала, что буду защищать ее, но это Джорджи меня защищала. В этой клетке именно она спасла меня. Говорила, что я смогу все выдержать, верила в меня. Не плакала, зная, что мне плохо и если она заплачет, станет еще хуже...

– Ты сделала все, что могла, – невозмутимо произнес Безликий.

– Не все, пока... – поспешно начала я и тут же замолчала. Он позволил мне продолжить, но целую минуту мы купались в тягучей, черной тишине.

– Пока не что?

В этот раз молчание длилось лишь секунду – один удар моего сердца.

– Пока я не умерла.

В комнате опять послышались шаги. Они отражались от бетонного пола. Топ. Топ. Топ. Тяжелые, как мое сердцебиение. Стук. Стук. Стук. Если бы я не умерла, то от волнения потеряла бы сознание. Когда Безликий заговорил, я вздрогнула.

– Я не хочу опять ошибаться, Кая Айрленд. – Послышалось странное шуршание. Я не сразу сообразила, что это за звук, а затем до меня дошло, что Безликий шелестит фантиком от конфеты. Послышался характерный хруст, и по моим рукам побежали мурашки. Мне стало дурно от того, что я представила вкус леденца во рту. – Почему-то я всегда иду на поводу у смертных. Как будто в конце истории мне достанется вознаграждение, как будто кто-то подумает о несчастном мне...

– Я сделаю все, что ты захочешь, – решительно оборвала я. – Если вернешь меня назад, я выполню все, что прикажешь.

Глава II

Страшные сказки

7 ноября 2016

Лес по-прежнему оставался неизменным: болезненно-тонкие стволы деревьев, под ногами влажная листва, в воздухе намертво висит белый смог. Где-то далеко сквозь пелену тумана протискивается шум движущихся по дороге машин: всего миг – и тут же гудящий звук растворился в тишине. По коже поползли мурашки, и тогда я обернулась вокруг своей оси. Кажется, рядом кто-то был. Но нет... нет, в этом лесу нет никого, кроме меня.

Кроме меня и Скалларк. Я вот-вот увижу ее, там же, где каждую ночь. Лежит ничком на промозглой земле. Платье Невесты разодрано, тело тут и там прикрыто гниющими листьями. Едва я шагну в сторону Скалларк, она повернет голову в мою сторону. Уставится пустыми глазами.

Нет, Незвестный не позаботился о том, чтобы прикрыть Скалларк веки, и хоть я делаю это каждую ночь, ее глаза все равно смотрят осуждающе. Каждую ночь они кричат: «Это ты виновата!» И каждую ночь я шепчу в ответ: «Я знаю, Скалларк».

Я тут же проснулась. Точнее, просто открыла глаза – кажется, и не спала вовсе. Уже давно не спала. Чувствуя себя хуже некуда, я села и откинула покрывало. Посмотрела прямо перед собой, наткнулась взглядом на девушек, жестоко убитых Криттонским Потрошителем, затем дотянулась до мобильного, лежащего на полу у дивана. Шесть утра.

Каждый день все то же. Ночные кошмары, а затем реальность, где мне обаятельно улыбаются мертвые женские лица со старых фотокарточек. Детектив Дин снова оставил сообщение с просьбой (приказом) о встрече. Не знаю, чего он добивается – что я изменю показания? Или надеется, что выбьет из меня «настоящую» правду?

Я спрятала телефон в карман и поднялась на ноги. Аккуратно сложила покрывало, взбила подушку, заправила диван. Каждое движение было бездумным, автоматическим. Дни уже давно стали пустыми, ничего не происходило. Нет, время не замедлилось, просто все ощущалось иначе. Теперь я ничего не чувствовала – только смрадный запах на лице. Так пахнет Тайная квартира, покрывшаяся трупными пятнами: пахнет плесенью и мертвечиной, гниющей кожей.

Отвратительно.

Я поспешила отделаться от этого чувства, схватила сумку и выскочила на лестничную площадку. Заперев дверь, я бросила ключ в карман к таблеткам.

Не хочу возвращаться.

Здесь пахнет мертвым человеком. *Здесь пахнет мной.*

* * *

Городская больница встретила меня привычным шумом, пахло здесь совсем по-другому – хлоркой, лекарствами и больными. Сумрак, проникающий с улицы через широкие окна, постепенно отступал.

Это лучше Тайной квартиры, намного лучше. Здесь-то людям можно помочь, их можно вылечить, спасти. А вот мне уже никто не поможет.

Дориан Харрингтон устроил мне на лестнице засаду, и стоило ступить на второй этаж, как мой локоть оказался в крепких тисках его пальцев.

– Кая, – болезненный шепот резанул хуже бритвы по коже, – когда ты вернешься домой? Когда прекратишь валять дурака?

При последнем слове я уставилась на него с каменным выражением лица, но Дориан не смутился. От него тоже пахнет мертвечиной, подумала я, он тоже мертв.

– Кая, ему плохо без тебя. Возвращайся, пожалуйста, пожалуйста! Возвращайся домой!

– Дориан, – ровным тоном сказала я, осторожно убирая с халата его пальцы. – У меня больше нет дома.

Он сам отступил; отшатнулся от меня как от огня, словно испугался, разочаровался. В глазах появилось что-то чужое, незнакомое, а руки повисли вдоль тела как две белые безвольные веревки. Я не стала трусливо сбегать, а терпеливо ждала возражений, объяснений, *хоть чего-нибудь*. Но Дориан ничего не отвечал, потому что знал: это правда. У меня нет дома, у меня больше ничего нет.

Он отвернулся и ушел, и, глядя в его прямую спину, я знала, что он продолжит думать над происходящим. Дориан будет пытаться анализировать, найти какой-нибудь выход. Пусть. Несмотря на жалкие попытки, он знает: у нас нет выхода. Ни у него, ни у меня.

Отмахнувшись от невеселых мыслей, я поднялась на второй этаж, чтобы заняться рутинной: сделать обход палат и под руководством доктора Арнетта проверить пациентов. Повседневные занятия спасают. От Скалларк. От Аспена.

– Доктор Айрленд! – Моего плеча коснулась рука доктора Арнетта. – Ну, как дела, доктор Айрленд?

Он специально называл меня доктором, чтобы рассердить. Мне действительно было не по себе. Чувство было такое, будто с каждым таким обращением на плечи ложится громадная ответственность, и теперь я не только за жизни Скалларк и Аспена в ответе, но и за жизни других людей. Они ждут, что я приду им на помощь, но я больше не могу. *Я не буду бороться*.

С каждым шагом вперед я вгрызалась в себя сильнее, припоминая разговоры с Аспеном, наш план спасти Скалларк. Но когда я собиралась бороться до конца, и когда хотела жить, и когда верила, что время еще настанет – не сейчас, когда-нибудь, – я еще не знала всей правды. *Я уже не успела пожить. И никогда не успею. Не увижу северное сияние, не увижу дядюшку Полли в Румынии, я никогда не... больше никогда*.

Теперь моя цель – предотвратить самоубийство Леды Стивенсон.

Я совсем отвлеклась, поэтому прослушала половину болтовни доктора Арнетта. Очнувшись, только когда он деловито произнес:

– Я так понимаю, ты снова остаешься на ночное дежурство с нашим врачом?

– Да.

– Зачем? – Доктор Арнетт остановил меня, снова коснувшись плеча. Я повернулась и вздохнула, потому что знала, что последует дальше. – Ты устала, Кая. Ты выглядишь больной. Тебе нужен длительный отдых. Тем более после того, что случилось на Хеллоуин. Аспен...

– Доктор Арнетт, *пожалуйста*, – с нажимом сказала я. Сердце на секунду замерло. Взгляд наставника смягчился – он тут же стал меня жалеть. Вижу это. Впитываю жалость каждый день. Пытаюсь бороться, но она меня уже захлестывает. Пока что я до конца не осознала, что случилось на самом деле. Со Скалларк. С Аспеном.

– Хорошо, – наконец сдалась я. – Я подумаю.

Доктор Арнетт знал, что не стану думать, но он, как и все, кто имеет со мной дело, притворился, что поверил мне. Кивнув с сочувствующим видом, он направился дальше по коридору в сторону кабинетов.

Впереди меня ждала еще одна неприятная встреча. С человеком, которого я почти ненавижу, который причинил мне и моим близким много боли. Но именно с этим человеком я

вынуждена сталкиваться каждый день. Ее лицо все еще мертвенно-бледное и уставшее, но усталость мигом слетает, когда она видит меня. Когда она встречается со мной взглядом, она пугается, вздрагивает от чувства вины и внутренне сжимается в маленький, но колючий комок.

Я открыла дверь в палату Аспена, и Кира тут же вздрогнула, будто не ожидала меня увидеть. Хотя только я каждые полчаса захожу сюда в надежде обнаружить Аспена с открытыми глазами, но вместо него вижу ненавистное лицо Киры Джеймис-Ллойд, которое приводит меня в ярость.

Вот уже целую неделю Аспен в коме. Голова перемотана белой повязкой, руки, лежащие вдоль тела на покрывале, все в ссадинах и синяках. Он попал в аварию в ночь на Хеллоуин. Слетел с дороги в овраг в тот момент, когда мы говорили по телефону. Я думала, пропала связь, но на самом деле пропал Аспен. И все никак не вернется. Лежит на своей койке днями и ночами, будто так и надо. Не реагирует на Киру. Хотя раньше он бы попросил ее уйти. Я бы тоже попросила.

– Что смотришь?! – взъелась она, защищаясь даже до того, как я нападу. Вскочив на ноги и скрестив руки на груди, она сделала шаг вперед, загоразивая тонкой фигурой Аспена. Прищурилась. Лицо вялое, серо-зеленого цвета. Волосы грязные. От нее немного пахнет потом и еще чем-то. Кажется, лапшой быстрого приготовления.

– Я не к тебе пришла, – отрезала я. – И ты здесь только потому, что я разрешаю тебе здесь находиться.

Игнорируя Киру и ее напряженное выражение лица, я подошла к Аспену и крепко сжала его безвольную ладонь. Как я мечтала о том, чтобы моего прикосновения было достаточно... Если бы при помощи силы можно было вытащить разум Аспена на волю, я бы так крепко сжала его пальцы и потянула на себя, что сломала бы их; если бы могла, я бы прыгнула следом в ту черноту, где он находится, и помогла выбраться, потому что вдвоем иногда легче.

Кира продолжала дрожать от ярости за моим плечом. Краем глаза я видела, как она сжала кулаки, пытаясь держать себя в руках. Было бы здорово, выйди она из себя. Я могла бы с чистой совестью выставить ее за дверь...

– Ты меня винишь в том, что случилось той ночью? – спросила она в тысячный раз. – Думаешь, если бы не я, Аспен не попал бы в ту аварию?!

– Да, – ответила я, отпустив руку Аспена и обернувшись.

– Ты... ты же не серьезно?!

– Я серьезно, Кира.

Ну вот опять... Как по команде ее ноги подкосились, и Кира плюхнулась на стул и поморщилась от горя.

– Я не виновата... – голос преломился.

Я бросила взгляд на Аспена: вдруг он увидел, как я вновь довела Киру до слез. Но он не видел ничего. Уже много часов.

Глянув на Киру, я нехотя сказала:

– Ладно, пока оставлю тебя.

Едва я развернулась и сделала шаг к двери, как Кира неожиданно рявкнула:

– Ты что, думаешь, я могу ему навредить?!

Я медленно обернулась.

– Ты себя не контролируешь. Ты вскочила. – Она опустила взгляд на свои ноги, чтобы убедиться, что я говорю правду, затем нервно облизала губы и с надрывом произнесла:

– Знаешь, почему ты ненавидишь меня? Потому что ты такая же, как я. Мы с тобой слишком похожи, и ты это видишь. И когда ты смотришь на меня, Кая, ты видишь себя. *Ненавидишь именно себя*, – злобно прошипела она словно пресмыкающееся.

Я несколько секунд смотрела в ее лицо, вспоминая нашу драку в спортзале в Старом городе, а затем бесстрастным тоном ответила:

– Может, и так. Но я никогда не стану мучить других, чтобы почувствовать себя лучше.

Когда Кая ушла, Кира склонилась к Аспену, взяла его лицо в ладони и, поцеловав в лоб, прошептала:

– У меня... есть одна история. – Кира судорожно втянула воздух и вытерла нос влажным рукавом свитера. – Прости... прости, что плачу, Аспен. В моей груди все болит. В горле все горит огнем. Может быть, если я все расскажу тебе, ты поймешь, как мне плохо, и вернешься?.. В общем, это история о принцессе. Самой красивой и самой доброй во всем королевстве. Она была очень одинокой и несчастной и много времени проводила у единственного окошка в башне. Однажды ночью, стоя у окна и любуясь темно-синим небом, принцесса вдруг увидела прекрасного принца там, внизу... И тогда ее сердце забилося в тысячу раз быстрее. Ее сердце рванулось принцу навстречу, и он бережно взял его в ладони и прижал к себе. Он пообещал защищать его от ветров и обжигающих лучей солнца.

Кира почувствовала, что успокоилась. Она перевела дыхание и продолжила, склонившись к бесстрастному лицу Аспена:

– Всех мужчин ждала смерть, едва они осмеливались бросить на принцессу взгляд, и однажды отец узнал о тайных отношениях дочери и принца. – Тут Кира вдруг истерично хихикнула: – Ты был прав, Аспен, мне надо читать меньше любовных романов... Думаю, ты догадался, как отец наказал ту девушку, верно?

Аспен ничего не ответил, и Кира снова почувствовала, как у нее болезненно щемит в груди, как в горле встает комок.

– Да... – сипло выдавила она, – да, так и есть... Отец сделал с ней такие вещи, после которых она не могла смотреть принцу в глаза. И принц ни о чем не догадывался. Ночью, целуя ее окровавленную кожу, он шептал ей: «Мы будем вместе всегда», и она отвечала ему: «Никогда».

Кира не выдержала и, спрятав лицо в ладонях, заревела.

Как же ей было стыдно, и как она хотела, чтобы Аспен утешил ее, пожалел...

Он был прирожденным защитником, героем. И он хотел всегда оставаться рядом. Но Кира знала: вместе быть не получится. Она поняла это не сразу. Тогда, много лет назад, когда они впервые встретились, Аспен прилип к ней и не отходил ни на шаг. Кире это понравилось – что рядом был кто-то... *хороший*.

Пять лет назад она едва не утонула. Сейчас она уже не помнила, что это был за день, кто находился рядом, как ей было страшно. Она только помнила Аспена Сивера – высокого, болезненно худого, странного. Кожа у него была как у мертвеца или заключенного. Кира точно помнила, что, очнувшись на полу в окружении перепуганных ребят, она до смерти испугалась его. Аспен не выглядел нормальным – он выглядел опасным и неадекватным. Но именно он бросился в бассейн, когда она стала тонуть. Тогда он впервые прижал ее к груди.

Им едва исполнилось восемнадцать, и они не знали, насколько внешность обманчива. Юные. Они оба ошиблись. Кира приняла Аспена за наркомана. А он решил, что девушка не умеет плавать. Тогда он поверил ей на слово. Всегда верил – каждую минуту, когда они были вместе. Когда Кира клялась, что получила синяк споткнувшись, он верил. Когда говорила, что задерживается в университете, – верил. Когда выпалила, что ненавидит его всем сердцем, тоже поверил.

Кира снова прижала ладони к глазам, пряча слезы. Затем, шумно вздохнув, посмотрела на Аспена. Он сильно изменился с тех пор, больше не было острых локтей и коленей, не было чудаческой стрижки.

– Если бы и я могла измениться...

* * *

Когда наступил долгожданный обед, вместо того чтобы отправиться в столовую вместе с Крэйгом и другими ребятами, я поднялась по лестнице на этаж, где находилась палата Аспена. Они не задали вопросов, а Крэйг напомнил, что вечером мы идем в спортзал.

– Да, – ответила я, будто мне есть до этого дело. Когда я вышла в коридор и сделала пару шагов в сторону нужной палаты, увидела знакомую фигуру. Детектив Дин. Я замешкалась лишь на секунду, а он уже засек меня и решительным шагом направился в мою сторону. Я напряглась и засунула руки в карманы, *до смерти* желая испариться. А еще лучше – чтобы испарился детектив Дин.

– Доброе утро, – поздоровался он, мрачно сверкнув глазами. – С тобой трудно встретиться, Кая. Очень трудно.

Жаль, что он знает, где меня можно найти.

– Я звонил в особняк, но мне сказали, что ты там больше не живешь. – Он поднял бровь, ожидая объяснений. Молодой и злой. Плохое сочетание.

– Да, это так, – нехотя подтвердила я, медленно двинувшись назад к лестнице. Лучше продолжить этот неприятный разговор (который длится уже неделю) подальше от палаты Аспена и ушей Киры. Детектив подстроился под мой шаг и несколько секунд молчал. Хотя он и смотрел прямо перед собой, казалось, он сверлит меня немым настойчивым взглядом.

– Я уже все сказала. – Я сдалась первой. Было невыносимо идти рядом с этим человеком и молчать. Он меня беспокоил. Он как опасная собака, которая вцепилась взглядом и не отпускает – шагнешь в сторону, и она разорвет на куски. Детектив Дин словно ждал, когда я совершу какую-нибудь ошибку, чтобы схватить меня и в чем-нибудь обвинить. *Как и всегда.*

Мы спустились на первый этаж и прошли мимо кабинета дежурного врача. Детектив все время поглядывал на меня, будто думал, что я сбегу, и когда он скользнул следом за мной в ординаторскую и мы остались наедине, безапелляционно отчеканил:

– Не думай, что я поверю в твои сказки. – Я подошла к шкафу, достала свою сумку с полки и вытащила бутылку минеральной воды. Затем сделала пару глотков и обернулась к детективу. Он недовольно добавил: – Не думай, что я стану верить во все, что ты говоришь.

– Это ваши проблемы, – спокойно ответила я, возвращая вещи на место и запирая шкаф.

– Мои проблемы?

Я обернулась и скрестила руки на груди, царапнув запястье бейджиком.

– Я знаю, что вы сделаете. Как и двадцать лет назад вы отмахнетесь от правды и будете топтаться на месте, крутясь вокруг себя, как юла. А еще через двадцать лет вы все взвесите и переосмыслите, поймете, что моя история не была вымыслом и в мире есть вещи, которые вы не можете объяснить, но уже будет поздно. Вы будете старым и угрюмым, детектив Дин, и на вашей душе будет тяжелый груз. А все потому, что у вас ограниченное видение. Зрение минус. Вот и вся правда.

Он хмыкнул:

– Бесперспективное будущее. – Я осталась стоять с каменным лицом, и детектив тоже посерьезнел. Он вздохнул, как бы говоря, что сдается под моим напором. Стянул с себя кожаную куртку и присел на диван. В душе я приободрилась, решив, что лед наконец-то тронулся, и тут же опустилась в кресло напротив. Между нами стоял столик, на котором валялись учебники, медицинские справочники и даже чей-то планшет. Я наклонилась вперед, положив локти на колени, и заговорила мягким, но настойчивым голосом:

– Детектив Дин, если вы потратите свое время на кое-что получше, чем бесполезное ерзание, тогда вы сможете найти убийцу. Вы ведь и так знаете, что это не я.

Его голос снизился на октаву, а взгляд стал пугающе интенсивным.

– Ты хочешь, чтобы я поверил, что тридцать первого октября у тебя было видение? Что ты заранее знала, что с Кэм Скалларк что-то случится? И ты позвонила мне, чтобы я помог ее спасти?

– Я же сказала: не *что-то*, детектив Дин. В своем видении я *знала*, что кто-то хочет ее убить. В этом видении был бал, был звон колоколов и Скалларк. И убийца. Я знала заранее, что кто-то хочет убить их. Я знала заранее, что Неизвестный придет за Майсей, я знала заранее, что на Сьюзен кто-то нападет в том переулке. Поэтому я переехала в Эттон-Крик – чтобы спасти этих людей.

Детектив несколько секунд оценивал меня тяжелым взглядом, а затем вдруг сказал:

– Аспен в коме, но ты все равно его защищаешь.

Этого я никак не ожидала, поэтому выдала себя с головой, резко выпрямившись и удивленно открыв рот. Ни разу с того дня мы не заговаривали об Аспене. Выходит, детектив догадался, что это не мои видения.

– И что с того? – мрачно спросила я.

– Зачем тебе лгать?

– Затем, что он уже был в психушке, а я нет. Интересно посмотреть на нее изнутри.

– Не нужно притворяться, будто ты не боишься, Кая, – мягко попросил детектив, и я против воли рассмеялась. Фыркнула так неожиданно, что он подскочил и изумленно уставился на меня. И только спустя несколько секунд взял себя в руки, хлопнул ладонью по столу и властно приказал:

– Прекрати!

Я кивнула, вновь возвращая бывшее хладнокровие. Бросила взгляд на наручные часы. Как жаль, что сейчас у меня полно свободного времени, и я не могу притвориться, что опаздываю или мне нужно проверить пациентов. Жаль, что не могу избежать детектива Дина, пока все не закончится.

– Извините. – Я прочистила горло и продолжила: – Детектив Дин, вы удивитесь, но мне не страшно. На самом деле мне все равно, и я не собираюсь принимать во всем этом какое-либо дальнейшее участие. Я буду оставаться в стороне. А вы можете воспользоваться той информацией, которую я вам любезно предоставила. Я говорю с вами лишь затем, чтобы вы поняли: кто-то ходит по городу прямо в эту секунду и подыскивает другую жертву. А она уже есть на примете.

Внезапно дверь в ординаторскую распахнулась, и в помещение ворвались голоса из коридора, а на пороге возник Крэйг. Он кому-то крикнул, а затем обернулся и увидел нас.

– О. – Его взгляд скользнул по нашим лицам.

– Мы тут разговариваем, – объяснила я спокойным тоном.

– Я понял. – Крэйг направился к шкафу и, стоя за спиной детектива, подал мне знак, спрашивая, все ли в порядке. Я украдкой кивнула, чтобы он знал, что лучше оставить нас наедине. Он недовольно поджал губы и многозначительно произнес:

– Я буду у дежурного врача. На всякий случай. И, кстати, тут поблизости Леда.

– Что? – Я тут же потеряла самообладание. – Где?

Крэйг не удивился моей реакции, а детектив Дин бросил на меня взгляд, который я проигнорировала.

– Я видел ее с Кирой. Они стояли у лифтов.

– С Кирой? – Я чувствовала, что выгляжу по-дурачки, но ничего не могла с собой поделать, потому что стала пленницей мрачных мыслей. Детектив Дин смотрел на меня подозрительно, даже когда Крэйг попрощался и вышел, еще раз напомнив, что он будет поблизости.

– Итак, у меня были видения, – продолжила я, отбросив опасения насчет безопасности Леды рядом с Кирой.

– У Аспена.

– Неважно. Мы знали, что со Скалларк что-то произойдет, но не могли никому сказать об этом, потому что не знали точной даты. Затем на Хеллоуин я поняла, что это случится в полночь, и позвонила в полицию. Конечно же, никто меня не выслушал, и поэтому я позвонила вам. Я думала, у меня есть план. – При этих словах меня бросило в жар и захотелось отвести взгляд от внимательных глаз детектива Дина. – Было наивно думать, что я смогу остановить Неизвестного. Наивно и нелепо. Но я должна была что-то сделать. Хоть что-нибудь.

Скалларк не жива.

Я сглотнула и вибрирующим от сдерживаемых эмоций голосом произнесла:

– Целую неделю я говорю вам одно и то же, детектив, но вы по-прежнему смотрите на меня как на сумасшедшую. А если бы мы с Аспеном рассказали обо всем до Хеллоуина? Нас бы заперли, а Скалларк... – Я не договорила, потому что разум вновь вспыхнул болью от воспоминаний.

Скалларк не жива.

– И все потому, что вам легче поверить в увиденное.

Детектив отмахнулся, хмурясь сильнее:

– Я уже наслушался твоей критики, прекращай. Что ты говорила о других жертвах?

Неужели он решил отказаться от предубеждений?

– Сейчас вы удивитесь, – предупредила я. – Но мне нужна помощь с Ледой Стивенсон.

Детектив Дин, как я и предполагала, удивился.

– А она тут при чем?!

– Только не надо опять меня подозревать. – К сожалению, я не обладала маминым даром тактичности, поэтому сказала, как есть: – Леда пытается покончить с собой. И к этому я не имею никакого отношения. *Абсолютно*. Вы знали, что она некоторое время провела в исследовательском центре? – Детектив Дин кивнул, явно не понимая, к чему я клоню. – Лаура забрала ее домой, и Леде требуется уход.

– И что? Ты хочешь, чтобы я стоял у ее кровати и отнимал все опасные предметы?

– Не смешно, детектив. Я предлагаю вам присмотреться к ней и ее подозрительной тете. Во-первых, Леда – следующая жертва Неизвестного. – Рот детектива Дина приоткрылся, а в глазах возник огонек – он явно собирался перебить меня. Я не позволила: – Ее кто-то преследует, и это не дурные фантазии, отнюдь нет. Во-вторых, Лаура встречалась с моей мамой прямо перед ее гибелью. Мне не кажется это обычным совпадением, как вы считаете? – Я не дала ему возможности ответить, хотя уже устала болтать без умолку. – Сейчас, выписавшись из центра, Леда остается без присмотра со своей странной тетушкой, а та готова на что угодно ради доверия племянницы. В том числе игнорировать очевидные признаки ее психического нездоровья.

– И что?

– Она не помогает ей, детектив. Леде нужен человек, который вырвет из ее руки лезвие, а не тот, кто погладит по голове и скажет, что верит всем ее словам. Рядом с Ледой должен быть кто-то здравомыслящий.

Сейчас он спросит, зачем мне о ней заботиться, если я ее ненавижу. Но вместо этого детектив Дин вновь завелся:

– Я больше не хочу это слушать. – Он собрался подняться, но я ловко перегнулась через столик и не больно, но крепко ухватила его за локоть. Он изумился моей хватке и только поэтому вернулся на диван.

– *Пожалуйста*, детектив Дин. – Я выпрямилась, но все еще сжимала правую ладонь в кулак так, что в кожу впелись ногти. – Не повторяйте историю, которая случилась двадцать лет назад с Дэйзи Келли.

Он свирепо сжал зубы, будто я его оскорбила.

– Вы ведь для этого пришли. Вы пришли, чтобы найти убийцу. *Выслушайте меня.*

– Несколько минут назад ты сказала, что это не твои проблемы.

– Это не мои проблемы, потому что, когда ее убьют, это будет не на моей, а на вашей совести. Я просто обычная девушка, а вы из полиции. Ваша работа – защищать людей. И вы должны помочь мне спасти Леду Стивенсон. От самоубийства и от Неизвестного. – *Зря, зря я перекладываю на детектива Дина половину своей ответственности, но мне так тяжело. Я хочу просто уйти.* – Пожалуйста, выясните, что знает Лаура. Вызовите ее на допрос. Сделайте что-то...

Внезапно детектив Дин смутился.

– В чем дело? – Я медленно выпрямилась. – Вы не хотите разговаривать с ней?

– Меня отстранили. После смерти детектива Гаррисона.

Я решила, что он шутит, хоть время и неподходящее. *Что за бред?*

– Из-за чего они вас отстранили, и почему вы не сказали об этом раньше? Вы уже семь дней подряд меня допрашиваете.

Детектив Дин невесело хмыкнул:

– Заметь, я ни разу не сказал, что пришел тебя допрашивать. Я просто хочу выяснить правду. Но неофициально.

Он хочет выяснить правду?

Скалларк не жива – правда. Я должна спасти Леду Стивенсон, чтобы уйти – правда. Я больше не хочу стараться – правда.

– Так почему вас отстранили? – повторила я. Тяжелый взгляд зеленых глаз ничуть не смутил меня, и тогда детектив нехотя ответил:

– Потому что детектив Гаррисон был моим другом.

Я смотрела на мужчину одну или две секунды, зная, что по этой причине его бы не отстранили, но не стала настаивать на ответах. Наверное, на похоронах он напился и потерял контроль. Меня это в любом случае не касается. Я решила сосредоточиться на важном: пока он меня слушает, этим можно воспользоваться.

– Думаю, вам удастся поговорить с ней так же неофициально, как и со мной. – Я раздосадованно потерла ладонью лоб и заправила за уши волосы. – Главное, не говорите плохо о Леде – Лауру это выведет из себя. Или вы можете начать с ней встречаться.

– С Лаурой?

– С Ледой.

Он ответил мне суровым взглядом.

– Я придумую другой способ.

– Поэтому вы меня преследовали всю неделю – потому что вам нечем было заняться?

– Поверь, у меня есть и другие дела.

– Ложь. Вы приходите домой и думаете только о своей работе. Готова спорить, вы даже не умеете готовить, а из увлечений у вас есть какая-нибудь игра, которая занимает лишь тело, но не мысли. Вы постоянно думаете.

Детектив Дин поднялся на ноги, и я встала вслед за ним, едва сдерживая улыбку. Не думаю, что он станет мне помогать, если решит, что я издеваюсь. Он и так мне едва верит. Однако детектив Дин внезапно улыбнулся краешком губ:

– Ты читаешь меня как открытую книгу, Кая. – Подобие улыбки вдруг преобразило его лицо настолько, что я вспомнила, что детективу Дину, пожалуй, не больше двадцати семи лет. Станный он парень, раз целыми днями думает только об убийствах. *Хотя не мне об этом судить.*

Помедлив, я сказала:

– Она не единственная, детектив. Кира Джеймис-Ллойд тоже в его списке.

– Ты ведь понимаешь, что я не могу пойти с этим в полицию? – Он нахмурился, и я увидела в зеленых глазах что-то кроме недоверия. Желание помочь. И невозможность помочь.

– Я сама позабочусь о Кире. – Он свел брови, и я добавила: – Она живет в больнице. Я тоже. Я понимаю, почему вы не можете сказать своим коллегам о видениях. Аспен тоже не мог никому сказать.

Когда детектив Дин ушел, пообещав подумать над моими словами, я вспомнила шутку «Детектив Дин плюс Леда Стивенсон». Это малодушно, но я на секунду представила, что если бы он позаботился о Леде вместо меня...

Я покачала головой, подошла к чайнику и залила кипятком пакетик зеленого чая. Сделала глоток.

Нет, невозможно.

Между детективом Дином и Ледой нет абсолютно ничего общего. Они разные, как небо и земля. Им, уверена, даже говорить будет не о чем. Да и смотрятся они в моем воображении несуразно: детектив высокий, темноволосый и крепкий, с уверенным выражением на лице. Леда Стивенсон вечно сутулится и ходит в длинных юбках и странных свитерах, которые ей абсолютно не идут.

Почему я вообще о них думаю?

– Ну надо же.

Я застыла с кружкой в руках, услышав позади себя голос Киры. Обернулась и осведомилась:

– Что ты здесь делаешь? Вход только для персонала.

Ее губы впервые за неделю искривились в знакомой улыбке. Осмотрев меня с ног до головы, она сделала вывод:

– С тобой все хуже, чем я думала. Видения? Ты это серьезно? Сколько таблеток ты принимаешь, чтобы видеть чужие смерти? Нет, знаешь, что я думаю? – она подступила ко мне почти вплотную и шепнула: – Я думаю, что ты их убила. – Наши взгляды встретились. Чернота зрачков Киры затягивала меня внутрь. – Ты убила их, Кая, и твой мозг придумал эту штуку с видениями.

Крэйг говорил, что видел поблизости Киру. Неужели она подслушивала наш с детективом Дином разговор? И сколько она услышала?

– Это все? – спросила я. Кира стояла так близко, что я увидела на ее лице веснушки, почувствовала запах пота. Она покачала головой, всматриваясь в меня презрительным взглядом.

– Я не хочу, чтобы ты находилась рядом с Аспеном. Не хочу, чтобы ты ухаживала за ним. Ты сама не здорова.

– Как много ты услышала?

– Достаточно, чтобы понять, что ты опасна для общества.

– Ладно, – отмахнулась я, поставив кружку на стол. – Если это все, то мне пора. Меня ждут пациенты.

Конечно, меня не ждали никакие пациенты. И время обеда еще не закончилось.

– Я скажу доктору Арнетту, чтобы он убрал тебя отсюда.

Я остановилась. Почувствовала, как во рту появляется знакомый привкус желчи, как немеют щеки. Затем обернулась и тоном, в котором сквозило гробовое спокойствие, донесла до нее:

– Ты не имеешь никакого влияния, Кира. Но знаешь, что ты можешь сделать? Ты можешь попросить своего отца разобраться. Уверена, он сделает все возможное, чтобы выполнить любое твое желание.

Ее глаза наполнились слезами за одну секунду. Раньше я никогда не видела ничего подобного – словно кто-то нажал на кнопку. Секунду назад все было хорошо, за окном светило солнце и пели птицы, а через секунду гремит гром и дождь льет как из ведра. Но слезы Киры не вызвали во мне ни жалости, ни удовлетворения.

– Уходи. Тебе нельзя здесь находиться.

Она не стала спорить – будто ждала моего разрешения убраться; пулей вылетела из ординаторской и так хлопнула дверью, что подскочили жалюзи, а по моей спине прошелся холод. Я подождала пару секунд, прежде чем выйти. А когда вышла, белые стены больницы слились в одно бесцветное пятно.

«Ты убила их, Кая, и твой мозг придумал эту штуку с видениями. Сколько таблеток ты принимаешь, чтобы видеть чужие смерти?»

А если бы Кира узнала, что это не мои видения? Если бы она узнала, что это Аспен сидел четыре года в психушке, потому что стоит ему закрыть глаза, и он видит незнакомцев, которые обречены на смерть, – как бы она поступила? Возможно, восприняла бы спокойнее, потому что зависима от него? Или оценила бы его таким же презрительным взглядом?

Теперь мои мысли переключились на Аспена.

Что сейчас происходит с его сознанием? Вдруг он просто спит, наконец-то впервые за всю жизнь отдыхает, погрузившись в тишину и спокойствие? А что, если он заключен в собственном мозгу и страшные картинки не могут прекратиться? Вдруг образы смертей продолжают сменять друг друга, как карточки в старом проекторе?

«Ты убила их, Кая, и твой мозг придумал эту штуку с видениями».

Не имеет значения. Неважно, как сильно Кира верит в свою любовь, неважно, сколько времени она просидит перед его койкой, поглаживая его бледную руку, неважно, сколько сказок ему расскажет – когда он очнется, ни за что не позволю ей быть рядом с ним.

Не позволю ей убить его.

От мрачных мыслей меня отвлек телефонный звонок. Я достала мобильник из кармана и едва не выронила его. Обомлела на месте, почувствовала в руках и ногах слабость. На меня никто не обратил внимания. Старшая медсестра важно прошествовала мимо меня, окликнув кого-то по имени. Она случайно задела меня широким бедром.

Звонил Ной.

За семь дней он ни разу не позвонил мне.

Я все еще помню, как звучит его голос, помню выражение его лица, помню прикосновение его рук, *но это из другой жизни.*

Телефон перестал звонить, а я все еще стояла на месте, поглощенная страхом.

Телефон вновь ожил, и я сжала его в пальцах.

Страх нереален. Я придумала его. Я все придумала.

Я ответила на звонок и поднесла мобильник к уху.

– Кая... – голос Ноя полоснул по сердцу ножом, и я затаила дыхание. – Кая, когда ты вернешься домой? Кая?.. Если ты не вернешься домой, ты умрешь.

– Никогда, – ответила я. От горечи в собственном голосе по спине поползли мурашки. – Я уже мертва, Ной. Я никогда не вернусь.

Я отключилась и еще несколько секунд смотрела перед собой невидящим взглядом. Мои глаза были сухими и горели.

Вздыхнув, я положила мобильник в карман халата, чувствуя себя по-дурацки. Потянулась за таблетками, но вовремя остановилась, вспомнив, что уже приняла сегодняшнюю дозу. Медленным шагом двинулась через атриум к входной двери. Мне казалось, что вокруг много людей и все они знают, о чем я думаю, дышат мне в спину, оценивают циничными взглядами.

Лишь когда я выскочила из здания, когда в лицо ударил свежий осенний ветер, наполненный запахами листьев и дождя, а полы халата разлетелись в разные стороны, я смогла отогнать от себя приступ паники.

Мимо проскользнула женщина с ребенком. Девочка слабо улыбнулась мне, шмыгнув носом, а затем скрылась за дверью. Я опустила взгляд и вдруг обнаружила, что иду в сторону своей машины. К счастью, ключи были в кармане штанов, и мне не пришлось за ними воз-

вращаться. Забравшись на пассажирское сиденье, я отправила Крэйгу короткое сообщение с просьбой прикрыть меня. Он спросил, все ли со мной в порядке, я сказала «да» и завела двигатель.

Через минуту раздался звонок мобильного, и я на секунду испугалась, что это вновь Ной. Но взглянув на экран, расслабилась, увидев номер Крэйга.

– Я видел твою машину, – сказал он неодобрительно. – Ты хочешь, чтобы вместо тебя я ставил клизму миссис Фишер?

– Мне нужно проветриться, – сказала я. – Пять минут.

– Что случилось? – Ирония в его голосе испарилась, уступив место дружеской заботе.

– Пять минут, – повторила я. Крэйг тут же проскрежетал в трубку:

– Только *не забудь* дорогу назад.

Очень смешно.

Я отключилась и закинула мобильный телефон в бардачок.

Я не знала, куда еду. Все случилось неосознанно, и через пятнадцать минут я вдруг обнаружила себя перед многоэтажным домом, где жил Аспен. Ключи валялись на пассажирском сиденье, будто говоря: «Ты уже заглушила двигатель, так что можешь выходить». Я наклонилась вперед и посмотрела через ветровое стекло вверх, на окна знакомой квартиры.

Вокруг зловещего на вид блочного дома росли тонкие деревья с прутиками-ветвями, на которых из последних сил держались гниющие листочки. Стекла были задрапированы темным материалом – значит, это кухня. Справа от окна расположилась пожарная лестница со стоящими на ступеньках цветами в горшках, а левее – лоджия.

На балкон соседней квартиры вышла какая-то светловолосая девушка и, облокотившись на перила, принялась смотреть сначала вдаль, а затем на лоджию. Наверное, это соседка Аспена, и она скучает по нему.

Я тоже скучаю. И окончательно схожу с ума, если собираюсь просто так зайти в его квартиру и искать то, что тревожит меня всю неделю – *улики*. Я знаю, что Аспен не просто так попал в аварию. Той проклятой ночью он что-то хотел мне сказать, но не успел. Может, в его машине кто-то прятался?..

Всегда после попытки построить логическую цепочку я чувствовала себя как выжатый лимон, выброшенный в мусорный пакет, но сейчас, сидя перед окнами его дома, я поняла, что веду себя как лунатик, который из-за тревоги начинает ходить во сне. То же наваждение случилось со мной в кабинете мамы, когда я нашла ее прощальное письмо.

Мобильник, лежащий в бардачке, издал звуковой сигнал. Я очнулась, оторвала беспокойный взгляд от темных окон знакомой квартиры и прочла сообщение от Крэйга: «Миссис Фишер уже ждет тебя, доктор Айрленд».

Я ответила, что уже еду, и, закинув телефон на прежнее место, потянулась к ключам. Я едва успела вставить их в замок, когда увидела Киру, идущую мимо моей машины к подъезду. Я уже давно не видела, чтобы она покидала палату Аспена; иногда даже, когда Кира забывает поесть, я покупаю в столовой обед и прошу Крэйга отнести его ей.

Глядя, как она, пошатываясь, словно раненое животное, идет к железной двери, я невольно вспомнила первое ноября. Тогда я пообещала Ною, что больше не буду бороться за свою жизнь. И за жизни других тоже. В ту секунду я действительно так думала, но уже на следующий день поняла: хоть я и мертва, но Аспен нет. И Кира нет. И Леда Стивенсон.

Я повернула ключ в замке зажигания, собираясь уехать и оставить Киру в покое (может, она наконец-то примет душ и переоденется), но заглушила двигатель, когда увидела, как следом за ней в подъезд скользнула тень. Мои внутренности свернулись в клубок, потому что высокий мужчина в твидовом костюме и пальто – ее отец.

Я мигом вспомнила свои слова, сгоряча сказанные Кире: «Ты можешь попросить своего отца разобраться. Уверена, он сделает все возможное, чтобы выполнить любое твое желание».

И следом за этим вспомнила лицо Аспена, когда он говорил, что отец Киры не просто всеми уважаемый профессор, а самый настоящий монстр.

Я посмотрела по сторонам, почему-то подсознательно ожидая, что за мной следят, затем проверила, наблюдает ли блондинка со своего балкона за квартирой Аспена, и стянула с себя халат, оставшись в черной водолазке, облегающей фигуру. Захватив ключи от машины, я направилась быстрым шагом к окнам, стараясь не ежиться от ветра.

К счастью, я была достаточно высокой, чтобы допрыгнуть до выдвигаемых ступеней. Отличие этой пожарной лестницы от нормальной было в том, что ее никто не использовал по назначению. Все петли заржавели, со ступеней прямо мне на лицо посыпалась ржавчина. Здесь стояли горшки с цветами, способными выдержать сильные холода. Забираясь коленями на ступеньку, я задела запястьем одну из синих пушистых колючек и, почувствовав резкую боль, раздраженно отодвинула от себя горшок. Выпрямившись, я отряхнула ладони друг о друга, а затем, смахнув с коленей пыль и ржавчину, стала подниматься к кухонному окну квартиры Аспена.

На секунду я усомнилась в своем здравомыслии, но затем вспомнила, что за Кирой охотится психопат; вспомнила, как Аспен переживал за ее жизнь, *за жизнь каждого, кого не мог уберечь*. А затем остановилась у большого окна, стекло которого с внутренней стороны было полностью задрапировано черным.

Что теперь?

Я посмотрела по сторонам, будто у меня был огромный выбор, и, быстро приняв решение, наклонилась к балкону, обнесенному железными прутьями. На полу валялись детали от машины, колеса и сломанное кресло, которое, как я поняла по замотанной скотчем ножке, Аспен хотел починить. Ухватившись обеими руками за прутья решетки, я подергала ее, проверяя, выдержит ли она мой вес.

Если Кира и ее отец увидят меня на балконе, я скажу, что *уже* здесь была. Никто даже не подумает, что я перелезла сюда с пожарной лестницы. Это довольно трудно даже для меня.

Несмотря на пронизывающий ветер, меня бросило в жар, и даже ладони вспотели. Волосы, стянутые в хвост, трепыхались вокруг моего лица, как черный изорванный парус. Я сосредоточилась, злясь, что не могу просто забраться в окно. Продолжая держаться обеими руками за железные перекладки, поставила ногу на нижнюю и на мгновение повисла в воздухе. На секунду мне показалось, что я сорвусь вниз и мгновенно умру, но в следующую секунду моя вторая нога с грохотом ударилась о металлический каркас балкона.

Вцепившись в решетки, я зажмурилась, ожидая, когда на шум выйдет Кира или ее папаша, но никто не вышел. Это навело на определенные мысли. Вдруг сейчас профессор Джеймс-Ллойд избивает дочь до смерти? Или швыряет в нее предметы? Или насилует? Аспен никогда не вдавался в подробности того, что случилось с его бывшей девушкой, а я и не спрашивала. Но сейчас я хотела быть готовой ко всему.

За моей спиной выл ветер. Ладони и лицо уже онемели от холода, но под мышками и на спине выступил пот. Подтянувшись, я перевалилась через железную ограду балкона и присела под окном. Осмотрелась вокруг себя на предмет оружия. Крепко сжав молоток, осторожно подобралась к двери и заглянула внутрь.

Сквозь щель в тяжелых темных шторах я увидела широкую кровать и поняла, что это комната Аспена. Осторожно приоткрыв дверь (благодаря растянувшейся пружине в замке было не заперто), я скользнула внутрь, сжимая заледеневшими пальцами деревянную ручку молотка.

– АЙ!

Я напряглась, стиснув молоток крепче. За прошедшую неделю я столько раз слышала вопли Киры, что теперь ни с чем их не перепутаю. Тихо приблизившись к двери, я приоткрыла

ее и сквозь щель увидела гостиную. Все было как обычно, только не хватало Аспена с рекламой фильмов ужасов. И Скалларк с кульком конфет.

Просто не хватало.

Кира и профессор Джеймис-Ллойд стояли посреди гостиной. Кира ссутулилась, и это было так на нее не похоже, что внутренне я сжалась, испытав странное отторжение. Она прижала к щеке ладонь и дрожала не то от страха, не то от злобы, а профессор навис над ней грузной внушительной фигурой.

– Никак не пойму, почему ты такая идиотка... – Внезапно он схватил Киру за шкуру и дернул вверх. – Сколько раз повторять: не открывай зря свой грязный рот!

– Я никому. Ничего. Не говорила, – с расстановкой произнесла Кира. Я увидела, как она в ярости и бессилии сжимает кулаки, не решаясь поднять на отца взгляд. Напрягая слух, я с трудом расслышала ее бормотание: – Я ни с кем об этом не говорила.

– Вот так? Тогда почему ты не сказала, что в городе? – Профессор отпихнул Киру от себя, да так неожиданно, что я вздрогнула. – Почему солгала?

– Потому... – в голосе Киры зазвучали оправдательные нотки, но отец перебил ее:

– Пытаешься защитить от меня своего парня? Не выйдет, девочка, не выйдет...

Кулаки Киры снова сжались, она подняла голову.

– Я ничего никому не говорила! Ни о нас, ни о чем-либо еще! И никогда никому не скажу! – решительно закончила она. – И я действительно уезжаю на конференцию. Не веришь – спроси у моего куратора!

Профессор Джеймис-Ллойд несколько долгих секунд молча наблюдал за дочерью, будто пытаясь просканировать ее невидимым детектором лжи. В итоге он удовлетворенно вздохнул.

– Ну хорошо, Кира, – его голос зазвучал спокойнее. – Иди ко мне, обними папочку.

Я снова напряглась. *Она же не станет?..* Но Кира лишь мгновение колебалась, а затем приблизилась к отцу и позволила ему себя обнять.

– Молодец, девочка. Для нас будет лучше, если ты продолжишь молчать, да?.. Никто ведь не хочет, чтобы история повторилась. Мм?.. – Профессор Джеймис-Ллойд приподнял двумя пальцами подбородок Киры, и она кивнула. Он триумфально улыбнулся. – Да... ты никому ничего не скажешь... – и его голос снизился до шепота: – *Потому что иначе окажешься там же, где твой тупоголовый дружок, который вечно что-то вынюхивал...*

Я застыла, на мгновение перестав видеть и слышать. Вдруг исчезли голоса, исчезло мое шумное сердцебиение. Меня бросило в жар, а затем в холод, и я прислонилась к стене рядом с дверью, чтобы не упасть. Подтянула колени к груди.

Кира бы не стала причинять Аспену боль, – лихорадочно думала я, – она одержима им. Но она жутко ревновала его ко всем. Ко мне. К Съюзен. К Скалларк.

Я услышала, как хлопнула дверь, и вновь выглянув в гостиную, увидела, что никого нет. Они ушли? Ушли, продолжая обсуждать Аспена и свои секреты? *Что случилось и почему Кира подчиняется отцу?*

Я не собиралась об этом думать, но мысли уже напирали. *А вдруг убийца действительно двое? Вдруг отец Киры – тот самый Криттонский Потрошитель? Он отлично подходит на роль психопата и садиста, который мог убивать женщин из прихоти.*

Если задуматься, получается история. История о том, как отец Киры стал сумасшедшим убийцей. История о том, как он всю жизнь мучил дочь и она, не в силах противостоять ему, стала мучить других мужчин, видя в них своего отца. Если на секунду предположить, что это правда, можно увидеть и другие *ключи*. Кира достаточно сильна и агрессивна, чтобы напасть на меня...

Нет, хватит предположений, нужно срочно записать все, что я услышала, и вернуться в больницу, пока доктор Арнетт не решил, что меня похитили.

Мои руки дрожали, когда я оставила молоток на балконе, а затем покинула квартиру Аспена тем же путем, каким попала внутрь. В этот раз меня ничуть не тревожил ноябрьский ветер, свистящий в ушах, – он заглушал мысли. Я готова была думать о чем угодно, только не о том, что Кира и ее отец могут быть причастны к случившемуся с Аспеном.

Она была со мной на балу, но ее отец мог быть где угодно. Он достаточно силен, чтобы разбить окно и вытащить Скалларк. Он мог с легкостью унести ее на руках.

Но зачем? Зачем, зачем, зачем?

Прекрати думать, Кая! Не пугай себя!

Для начала нужно выяснить, в чем заключается их секрет, чего боится профессор и при чем здесь Аспен?

Я спрыгнула с лестницы на землю и бегом бросилась к машине, чтобы отправить Крэйгу еще одно сообщение с просьбой не беспокоиться.

Я солгала Ною, сказав, что не буду бороться. Я буду. Я должна.

Глава III

Цугцванг

По пути домой Дориан заехал в супермаркет и купил для Ноя две банки мороженого, гроздь бананов, килограмм муки, сахар и сгущенное молоко.

– Только не забудь! – трижды настоятельно повторил Ной, и Дориан в итоге бросил трубку и уже не отвечал на звонки своего названного младшего брата. И вот теперь Ной поджидал его у лестницы с ехидным взглядом.

– А чернику ты привез? – Он поиграл бровями, сложив руки на животе. Дориан застыл на пороге прямо как в фильме ужасов. Так всегда застывает главный герой, заведя монстра. Медленно отвернувшись от шкафа, где скрылось пальто, Дориан с расстановкой, чеканя каждое слово, сказал:

– Ты не просил чернику.

– Ты трубку не брал. А она позарез мне нужна. Иначе десерта не видать.

– Я как-нибудь переживу, – буркнул Дориан, но все равно, встретив испытующий взгляд синих глаз, принялся вновь зашнуровывать ботинки. Ной выждал несколько секунд, а затем смилостивился и сказал, что пошутил. Дориан с облегчением стащил мокрые ботинки, сунул ноги в тапки и, подхватив пакеты с тумбочки у входной двери, потопал на кухню. Ной поплелся следом, но споткнулся о порожек, закашлялся, прочистил горло и снова закашлялся.

Дориан обернулся и пригвоздил парня взглядом.

– Что с твоим горлом? Выпей, наконец, воды! – Он обошел обеденный стол, на котором уже лежал заготовленный кусок теста для будущего пирога, сунул в буфет мешок с мукой, сахар, бананы. Мороженое, сливки и сгущенное молоко отправились в холодильник.

– Знаешь, – произнес Дориан, выпрямляясь и оборачиваясь к Ною, который растерянно застыл у обеденного стола. – Давай в этот раз я притворюсь всезнающим божеством и позволю задать мне вопрос.

Ной пожал плечами, как будто равнодушно, и нехотя спросил:

– Как там Кая?

– Никак. Узнав о своей смерти, она, кажется, и вовсе перестала бороться. Выглядит как зомби.

Ной вспомнил ее прощальные слова неделю назад: *я не буду бороться*, – и у него по спине поползли мурашки. Он тряхнул светловолосой головой и легкомысленно пробормотал:

– Ну не может же быть все так плохо, да?

– Не да, – отрезал Дориан. – Я попросил ее вернуться домой. Сказал, что иначе она может умереть...

Тут парни синхронно посмотрели в сторону окна. Раньше там стоял красивый мягкий диван темно-коричневого цвета, теперь он исчез, а его место занял гроб, где покоилось тело Каи Айрленд.

После ее переезда в Тайную квартиру Ною было все труднее и труднее бороться за ее жизнь. Так как теперь необходимость прятать ее тело отпала, он спустил гроб на кухню – туда, где проводил больше всего времени. *Совместил приятное с полезным, так сказать*. Теперь ему не нужно было бегать на чердак, чтобы проверить, как она. Кая Айрленд всегда была здесь. Лежала в лакированном ящике на атласной подкладке. Безмятежная и спокойная. Молчаливая кукла, не кидающая едких и обидных замечаний.

Дориан подошел к гробу. Несколько секунд изучал лицо Каи, затем задумчиво, с толикой удивления в голосе заметил:

– Она изменилась со дня своей смерти.

– Она ведь не совсем мертва, Дориан, – заметил Ной, болезненно поморщившись. – Она все еще развивается.

– Но мы мертвы.

– И живы одновременно.

Дориан вновь глянул на гроб. Мертвое тело Каи сильно изменилось. Кожа была тонкой, под ней выступила каждая косточка. Синяки под глазами контрастировали с белой подкладкой, подчеркивали черноту волос, струящихся вдоль тела. Становилось очевидным: тело умирает. Оно больше не принадлежит двадцатилетней девушке – это тело старухи, которая повидала в жизни все.

– Она сильно изменилась? – Ной встал слева от Дориана.

– Не сильно, все такая же мрачная. Хотя иногда слабо улыбается, когда слышит шутки доктора Арнетта или с Крэйгом болтает...

– Так, стоп!

Дориан подскочил – так громко воскликнул Ной. Посмотрев в разные стороны, Дориан в недоумении спросил:

– А что я сделал?

– Крэйг? Это не тот парень, который живет в Тайной квартире?

– Эм... нет, – пробормотал Дориан, все еще ничего не понимая, – он живет в том же доме.

– А я о чем?! Он достает Каю?

Лицо Дориана разгладилось, и он недовольно поджал губы.

– Прекрати, а? Твоя ревность сейчас не к месту. Если бы не Крэйг, ей пришлось бы очень плохо. По крайней мере, у нее есть друг.

– У нее есть я! – отчеканил Ной, но тут же смущенно кашлянул. – Я хотел сказать, у нее есть мы. Мы – ее семья.

– Мы не ее семья, – возразил Дориан. Ему стало жаль парня, но он не хотел показывать жалость. – Для Каи мы предатели, помни. Мы – те, кто скрыли от нее правду. Мы все знали, но ничего не говорили. Точнее, ты все знал, но ничего не говорил.

– Ты же знаешь, я не мог! – Ной отшатнулся, как от удара. Дориан сжал переносицу и вздохнул.

– Я знаю. Я знаю, Ной. Знаю, что ты не мог...

Однако Ной понял по лицу, что ничего Дориан не знает. Он не хотел ничего понимать, все еще воспринимал происходящее как насмешку, как игру Смерти, как шутку. Ной вздохнул и произнес:

– Я говорил тебе: таково условие вашего возвращения. Вы должны сами отыскать ответы – только так вы сможете уйти. И прежде чем ты снова возразишь мне, помни: у вас были цели. Важные вещи, которые задержали вас. Они не позволили вам уйти, и я решил помочь.

– Я знаю, – проникновенно повторил Дориан. В его груди распустился цветок вины, который, раскинув листья, пустил по венам яд. – Прости, я все понял.

Дориан, конечно, знал, что Ной делает для них *все*. Ради них он остается на земле, прячется, старается помочь, чем может... Но зачем? Зачем Ной им помогает? Какая ему от этого выгода? Для чего мучения? С Дорианом было проще простого – он умер, а когда очнулся, Ной сказал ему: «Заверши начатое дело, чтобы уйти». С Каей все в сотни раз сложнее. Она не хочет завершать земные дела, не хочет помогать Леде и чем сильнее отклоняется от курса, тем сложнее Ною справиться с ней. Но он все равно старается изо всех сил.

– Она не вернется, – пробормотал Дориан. Ной тут же горячо возразил:

– Она вернется! Обещаю, Дориан, я придумаю способ и буду пытаться, пока она не поймет, что не права! – Он устало прикрыл веки и спрятал лицо в ладонях. – Это она просила, не я. Она умоляла вернуть ее, умоляла позволить остаться и довести дела до конца. – Он набрал

полную грудь воздуха, отчего сквозь ткань изношенной футболки проступили мышцы, и вдруг спросил:

– Поможешь мне с пирогом?

– Правда? – удивился Дориан, и Ной, нахмурившись, опустил руки по швам. – Ты позволишь присоединиться к тебе? Только Кая могла безнаказанно крутиться на кухне и...

– У меня нет любимчиков, – отчеканил Ной, но улыбнулся. Дориан пожал плечами:

– Ладно, все равно мне некуда спешить.

Вообще-то он не отказался бы поспать, но желание остаться рядом с Ноем было сильнее. С ним спокойно, с ним Дориан, как бы странно это ни звучало, чувствовал себя в безопасности. Как ребенок, спрятавшийся за маминой юбкой.

– Тогда приступаем, – скомандовал Ной, ставя на стол муку, миску, ситечко и прочие кухонные атрибуты для приготовления пирога. – У меня отличная идея! Я заверну кусочек пирога для Каи. Ты отнесешь его в больницу, Кая ведь все время на ночных дежурствах, похудела вся, говоришь, как зомби... А вот почувствует вкус моей еды, заскучает по домашней готовке и вернется домой!

Дориан не стал разубеждать Ноя, не стал говорить, что Кая не вернется домой из-за пирога. Он молча проследовал в чулан, достал из небольшого ящика, стоящего в шкафу, несколько сочных яблок, и вернулся на кухню. Ной продолжал ворковать над куском теста:

– Миндаль добавлять не будем, у нее же аллергия... – Дориан лишь покачал головой и, достав подходящую глубокую тарелку и нож, принялся очищать яблоки от кожуры. Он так увлекся этим занятием, что вздрогнул, когда рядом на столешнице появилась бутылка рома.

– Это еще что? – изумился он. Ной цокнул языком:

– Не тебе. Это для начинки. Ну ладно, не смотри так, можешь взять немного. Но оставь мне двести грамм. – Дориан опомниться не успел, а Ной отвинтил крышку, достал из шкафа две кружки и плеснул в них ром. Одну протянул Дориану, и тот вяло покачал головой:

– Я не буду.

– Возьми.

Дориан повиновался и принял кружку. Они с Ноем чокнулись и опрокинули в себя ром.

– Ну как, лучше?

Дориан поежился и отвернулся к столешнице.

– Давай займемся пирогом. – Он притворился, что поглощен необходимостью очистить последнее яблоко от шкурки. Сок потек по пальцам, но Дориан отвлекся лишь тогда, когда почувствовал, что Ной вернулся к столу и занялся тестом. Он украдкой сполоснул руки, потому что пальцы стали противно липкими. Пять минут спустя в тишине кухни, нарушаемой ритмичным звуком трения яблока о терку, раздался вопрос Ноя:

– Как Альма? – Дориан промахнулся и едва не стер себе половину пальца. Прочистив горло, он с трудом ответил на вопрос:

– Плохо. Аспен все еще в коме, она очень переживает. А ты... – он бросил взгляд за плечо, однако Ной, не почувствовав заминки, продолжал раскатывать тесто. – Аспен мертв?

– Мм...

– Что это значит? – Дориан обернулся, вновь испытал привычное раздражение.

– Со временем он очнется, нужно еще немного подождать. У него много дел здесь, на земле. Много людей, которых он должен спасти. Многого должен понять и осознать. Ему еще предстоит учиться жить. Так что он не умрет, не тревожься. – Дориан испытал невероятное чувство облегчения, но тут вдруг Ной сказал: – Ты должен помочь Альме.

Неожиданное упоминание этого имени привело Дориана в чувство.

– У меня и так забот хватает!

– Не притворяйся, что она тебя не волнует. Помни: я все знаю. Передо мной не нужно притворяться.

– А я и не притворяюсь, Ной, как я и сказал, у меня пока что есть дела поважнее...

– Какие дела? Ты как Кая, она тоже думала, что успеет пожить.

– И тем не менее ты постоянно указывал ей, в каком следовать направлении, чтобы достигнуть цели и уйти, так? Ты все время твердишь как заведенный, что она должна спасти Леду Стивенсон, но в то же время хочешь, чтобы она жила нормальной жизнью.

– Верно.

– Ты не находишь свои желания странными?

– Нет, не нахожу. Потому что Кая может спасти Леду, если покажет той, что такое жизнь, научит ценить и любить жизнь. А как она это сделает, если и сама не умеет ее любить? Если сама не ценит? Если бросается в пекло с головой, не желая меня слушать? – Дориан покосился на Ноя. На его руках, белых от муки почти по локоть, вздулись вены. – Как я и сказал, ты поступаешь так же, как она – не думаешь.

– То есть я должен прекратить искать убийцу, – с холодной отстраненностью произнес Дориан. – По-твоему, я должен оставить Потрошителя в покое и забыть о его жертвах.

– Ни черта ты не сможешь, – отмахнулся Ной, возвращаясь к прерванной работе, но Дориан уже не мог закрыть эту тему.

– Но я должен, так?

– Я уже говорил тебе, *что* ты должен сделать. Ты должен обратить внимание на Альму, дубина.

На кухне на несколько минут воцарилась тишина. Мужчины были заняты своими делами: Ной готовил пирог, Дориан размышлял. Он взял другое яблоко и принялся его натирать.

– Так Альма все-таки ключ?

– Ага.

– Почему ты раньше не сказал?!

– Я говорил. Много раз. Просил сойтись с ней.

– Твои слова звучали как бред! – отрезал Дориан, а Ной в ответ пожал плечами:

– Твои проблемы.

– Я видел у нее дома конверт, она его прячет.

– Мм...

Повисло долгое молчание. За окном свирепствовал ноябрьский ветер, ударяя в стекло листьями, по небу прокатился угрожающий рык грома.

«Ну и парень, – ошеломленно думал Дориан. – Ну и характер!.. Да чтобы его понять, не знаю, кем надо быть! То пытается помочь, потом делается равнодушным, как бессердечная статуя. А может, у него и сердца-то нет вовсе? Он же Смерть».

Пока Дориан размышлял над этим вопросом, Ной уже смазал противень маслом и выложил на него первый корж.

– Яблоки готовы? – Ной подошел к столу и только сейчас заметил, что Дориан едва стоит на ногах. Когда он удивленно взял его за плечо, тот пошатнулся.

– Какого черта?!

– Где черт?

Измученный до глубины души, Ной взял бутылку с ромом и потряс ее. Жидкости осталось совсем чуть-чуть – едва хватит для пирога.

– Ты все выпил? – раздраженно спросил он, и Дориан, облокотившись о столешницу, вздохнул.

– Я? Ничего я не пил.

– А кто тогда выпил?

– Не знаю... наверное... наверное, его выпил Черт, Чертяка, ха-ха...

– Ясно, – раздраженно оборвал Ной. – Спасибо, что помог с пирогом, алкаш.

Приобняв Дориана за талию, он закинул его вялую руку на свое плечо и потащил в сторону гостиной, где сбросил на диван, как мешок картошки. С журнального столика слетели исписанные тетрадные листки – Дориан вновь вернулся в гостиную к своему расследованию. Здесь же были документы из университета, различные лекционные бумаги и бланки.

– Ной? – позвал Дориан, и тот, шагнувший было к выходу, стремительно вернулся назад.

– В чем дело? – Он наклонился, прислушавшись к тяжелому дыханию.

– Кая вернется?

– Конечно, вернется! Я верну ее домой, Дориан, обещаю!

– Это правда? Ты не бросишь ее?

Ной скрипнул зубами и покачал головой, но вместо того, чтобы продолжать эту болезненную тему, спросил:

– Как дела с Альмой?

Дориан в ответ застонал, пытаясь повернуться на бок на узком диване, и Ной тут же скинул на пол подушки и накрыл его покрывалом.

– Как дела с Альмой, Дориан?

– С Альмой? – тяжелый вдох. Сонное дыхание Дориана было пропитано алкоголем, но Ной даже не поморщился, когда склонился ниже, к самому его лицу. – Она плачет, все время плачет. Я не знал, что она умеет... но она может. Рыдает каждый день. Я пытался отвлечь ее, а она... только орет... – Тяжелый полустон. – Она швырнула в меня туфлей.

Ной на несколько секунд застыл над Дорианом, затем опустил перед ним на корточки, склонился вперед и властно сказал:

– Не бросай ее, Дориан. Будь всегда рядом. Только так ты сможешь вернуться. Это она твоя цель. Она, а не Криттонский Потрошитель. Оставь прошлое в покое. Оставь его.

Только он хотел добавить еще что-то, как вдруг в замке входной двери повернулся ключ, и Ной, тут же подобравшись, испуганно обернулся. Только не снова! Ощущая, как в приступе паники колотится сердце Ноя Эллисса, он птицей взлетел на второй этаж, спрятавшись за углом и прислушался. Сначала ничего не было слышно, затем до его ушей донеслись неуверенные шаги Альмы Сивер и ее тонкий призрачный голосок, зовущий хозяина особняка.

Шуршит пакетами, значит, принесла еду. Сначала накричала и кинула в Дориана туфлей, затем пришла заглаживать вину обедом. Ной озадаченно покачал головой, выглянул из-за стены и быстро нашел взглядом рыжеватую блондинку. Она стянула с волос шляпку, оглядываясь, и направилась на кухню. *Черт!* Ной, бесшумно соскользнув по ступенькам вниз, прокрался следом, чтобы проконтролировать поведение гостыи. Он надеялся, что она не прикаснется к его пирогу для Каи, но надежда – все, что у него было, ведь он не мог показаться обычным людям на глаза...

И тут Ной остолбенел от шока. Казалось, на мгновение кто-то тесно перехватил его грудь прутьями. *На кухне гроб Каи. На кухне ее гроб! О нет, о нет...*

Он сжал пальцы так, что кожа натянулась на костях. Секунды устремились вперед, а затем повисли в воздухе порванной струной.

– АЛЬМА! – громогласно крикнул он.

Ее имя все еще звучало эхом где-то у потолка. Затем послышались спешные шаги, и Ной вновь взлетел по ступенькам – еще выше, чем прежде. Его сердце с каждым шагом колотилось сильнее, а затем замерло – когда Альма вышла в коридор и в недоумении остановилась посреди прихожей.

– Дориан, это ты?

Ной осторожно вздохнул, зажав ладонью рот, словно испугавшись, что его дыхание достигнет первого этажа.

– Дориан? – Альма направилась в сторону гостиной, и Ной осторожно вздохнул. Сейчас Альма увидит своего парня и на некоторое время отвлечется. Так и случилось – несколько секунд была тишина, а затем послышалось ее раздраженное:

– Дориан? Эй, почему ты развалился здесь, как будто... Ты что, пьян?

– Мээээ... – пробормотал Дориан в ответ. Альма что-то пробурчала недовольным тоном, но Ной уже ничего не слышал. Перескакивая через две ступени, он очутился на кухне и, аккуратно притворив дверь, чтобы та, не дай бог, не скрипнула, задвинул щеколду. Затем на всякий случай придвинул к двери стул. В мгновение ока подбежал к гробу и проверил Каю. Дрожащей от страха рукой он коснулся ее лица, смахнул со щеки невидимую пылинку, поправил ее волосы. Затем, убедившись, что все в порядке, вернулся к двери и опустил на стул, которым загородил вход. Прислонившись ухом к щели, прислушался к голосу Альмы из гостиной:

– Ну зачем ты так напился? Что случилось? Это из-за туфли? Дориан, прости, я не хотела... в последнее время я просто... не в себе... прости...

– Мм... ммммм... Альма...

– Да? Да, Дориан, я здесь. Да что же это такое... – послышалось шуршание. – Какой же ты тяжелый! Сейчас принесу воды, подожди, – сказала она, как будто Дориан настаивал. Он даже ничего не говорил, кроме «Мэээ». Ной тут же подобрался, вжавшись в спинку стула и всем весом налегая на дверь.

Альма врезалась в нее с той стороны, словно танк.

– Что еще за фокусы? Было же открыто. Эй! – Она несколько раз стукнула в дверь кулаком. – Кто там? Эй!

«Уходи, уходи, уходи», – мысленно шептал Ной, внутренне сжавшись до микроскопических размеров. Альма еще несколько раз постучала в дверь, кажется, даже ударила ее ногой. Потом пробормотала:

– Какой же старый дом. Говорила же я, здесь опасно жить. Упрямый человек!

Ной расслабился, услышав удаляющиеся в сторону гостиной шаги, и откинулся на спинку стула. Встретившись затылком с дверью, он прикрыл веки и на долгое время погрузился в тишину, нарушаемую бормотанием гостьи. Ее голос звучал приглушенно из-за двери, но слова все равно проникали в грудь Ноя расплавленным медом, ложились на сердце, впитывались в него как в губку. Альма шептала о том, что она больше не узнаёт Дориана и вообще не понимает, что происходит.

Никто ничего не понимает, – мысленно ответил Ной, склонив голову. – *Зачем, зачем я вновь затеял все это? Почему все должно быть так невыносимо сложно и больно?*

Дориан в растерянности и не желает слушаться, а Кая вообще ушла из дома и занимается непонятно чем, тратит последние драгоценные минуты жизни не пойми на что... Если она не вернется – умрет.

Я заставлю ее вернуться любыми способами.

– Дориан, вспомни меня, вспомни меня, пожалуйста, – громко упрашивала Альма, и Ной ей в такт про себя говорил:

– Вспомни меня, Кая Айрленд. Вспомни меня. Меня настоящего.

– Вспомни меня настоящую, Дориан, – умоляла Альма из гостиной. Ной лишь вздохнул. Он хотел, чтобы у них было все хорошо. Но тем не менее понимал, что правда разобьет им обоим сердца.

Истина всегда разбивает сердца.

* * *

Около трех часов ночи Дориан наконец-то пришел в себя и обнаружил рядом с собой знакомое добродушное лицо. Ной, кажется, был чем-то доволен и в то же время смотрел с какой-то затаенной жалостью.

– Я не хотел пить, – сказал Дориан хриплым голосом, пытаясь принять вертикальное положение. Ни ноги, ни плечи так и не оторвались от дивана, голова, казалось, была каменной и весила тонну.

– И все равно выпил весь ром. Испоганил такой шедевральный десерт... – посетовал Ной. Впрочем, он не выглядел расстроенным, и Дориан засомневался, а не сделал ли в бреду чего-нибудь эдакого, что заставило Ноя сменить гнев на милость.

– Впрочем, чего еще можно от тебя ждать, разрушитель человеческих судеб?

– Кто?.. – прохрипел Дориан, ерзая на диване. Ной смилостивился, помог ему сесть и даже подложил под голову диванную подушку, потому что Дориан на это не был способен.

Бедный парень не переносит алкоголь.

– Разрушитель человеческих судеб, – повторил Ной, с ухмылкой выпрямляясь.

– Я тебя что, ударил?

– Был бы мертв уже. Э-э... фигурально выражаясь.

Дориану было не до веселья. Он поднялся на ноги и, пошатнувшись, направился на кухню смочить горло. Ной пошел следом, с дьявольским нетерпением ожидая, когда Дориан наконец обнаружит записку Альмы, прикрепленную к двери.

Пока что Дориан ничего не видел, даже о порог споткнулся. Тишину потрясло его громкое чертыханье: «Кто придумал эту лестницу посреди дома?!» Ной, шедший следом, услужливо ответил, что это его бабуля постаралась еще в сороковых годах.

– Лучше ничего не говори, – простонал Дориан. Он хотел, чтобы это прозвучало угрожающе, но прозвучало так, будто он пытается сохранить остатки ужина в желудке. – М-мерзость! А это еще что? – Он наконец-то заметил листок, прикрепленный к двери, и поморщился. Ной ликующе улыбнулся, но удержался от язвительных комментариев. Дориан, чувствуя себя железным дровосеком, которым частенько обзывала его Альма, добрался до двери и сорвал листок. Всмотрелся в него, туго соображая, затем резко обернулся к Ною.

– Альма была здесь?!

– Мм.

Дориан вытаращил глаза:

– Я ее ударил?

Ною в один миг расхотелось шутить. Вмиг став серьезным, он спросил:

– Что с тобой не так? Ты озвучиваешь свои затаенные желания? – Дориан продолжал смотреть на Ноя, и тот сдался и вздохнул. – Ты ее не бил. Почему решил, что бил?

– Потому что ты сказал...

– Ты когда-нибудь бил женщин?

– Что? – возмутился Дориан, но тут же застонал от очередного приступа тошноты. – Нет, конечно. Я никогда не трогал женщин.

– Тогда прекрати нести эту чушь.

– Так что произошло?

Вместо ответа Ной неспешно отправился на кухню, зная, что Дориан пойдет следом, коря себя за то, что слишком много выпил и теперь ничего не помнит. Да он ничего и не делал, по сути. Пока Ной сидел на кухне с телом Каи, вездесущая Альма Сивер, решив, что двери в особняке живут своей жизнью, сидела рядом с Дорианом, что-то тихо воркуя. Тот, конечно, ничего не слышал, болван.

– Так, и что я сделал? – напряженно спросил Дориан, войдя на кухню.

– Я приготовил тебе бульон от опохмела.

– Оставь бульон, Ной. Что я сделал? Что я натворил? Не томи!

– Ты ничего не сделал.

Дориан решил, что неверно расслышал, ведь Ной говорил так, будто выносил приговор.

– А если я ничего не делал, то и нечего так смотреть!

– Ах ты хочешь знать, что я имею в виду? – Дориан неуверенно кивнул, приложив к виску ладонь. – Ты дурак. Ты ничего не сделал. Ты никогда ничего не делаешь, а должен. Не спрашивай. Просто делай, Дориан. Иначе проворонишь данный мною шанс. А я не могу помочь, ведь нельзя нарушать правила.

Дориан устало опустился на стул и подпер гудящую голову кулаком. Над переносицей болезненно пульсировало, глаза казались горячими и с трудом вращались в глазницах. Осторожно повернув голову в сторону, он глянул на стол, где стоял противень с печеньями. Три ряда хрустящих сердечек с начинкой из рома. Запахи корицы и шоколада ударили Дориана в нос, и он тут же отвернулся. Но и на Ноя смотреть было невыносимо.

– Сделай что-нибудь, Дориан. Иначе я решу, что вновь ошибся.

Дориан вскинул голову, резко осведомившись:

– Ты-то все делаешь правильно, да?

По лицу Ноя пошла тень, он мрачно сказал:

– Я нашел способ вернуть Каю домой.

– Даже не хочу знать об этом. – Он вновь посмотрел в сторону стола. – И не думай, что она простит тебя за печенье в виде сердечек.

– Я не говорил всей правды для ее же блага.

– Ты лжешь себе, Ной, прямо как человек, – хрипло протянул Дориан. На дрожащих ногах он дополз до раковины и наполнил стакан холодной водой. Она потекла по подбородку на грудь, но Дориан запрокинул голову к потолку и с облегчением вздохнул. Легкие горели, мысли путались, но он все равно продолжил выдавливать из себя слова:

– Ты не говорил всей правды только потому, что боялся ее потерять. Ты знал, что она уйдет. – Дориан обернулся и смело встретился с бесстрастным взглядом голубых глаз-льдинок. – Ты боялся, потому ничего и не делал. И ты скрыл правду только ради себя.

Дориан не сразу понял, что перешел черту, но извиняться не стал. Напрягшись, он ждал развязки. Вот-вот Ной вытворит что-нибудь страшное, сотворит какое-нибудь... Но он лишь кашлянул, недвусмысленно выражая желание завершить разговор, и начал убираться на столе. Кофе, тертая корица, баночка из-под клубники, мерочный стакан...

Дориан просил себя остановиться, но он еще не протрезвел, да к тому же вид смущенного Ноя, избегающего смотреть ему в глаза, выводил из себя.

– Ты уже прямо как человек. Сколько ты будешь отрицать...

– Ты забываешься. – Жесткий голос Ноя прозвучал как гром среди ясного неба, у Дориана даже прояснилось перед глазами. – Я не человек. Именно поэтому я ничего не сказал. Я не живу по вашим законам.

– Но ведь мне ты все рассказал.

– *Ты уверен?* – Ной медленно обернулся, вперившись в Дориана взглядом. Он преобразился лишь за секунду, стал выше и внушительнее, черты лица заострились. – Так что?

– *Что?* – опешил Дориан. Он забыл, о чем они говорили, и его замутило сильнее, чем до этого. Приложив руки к животу, он обнял себя, будто так мог сдержать порывы тошноты. И ждал, что сейчас Ной в своей фирменной манере скажет: «*Не переходи черту, не забывай, кто я*», но он лишь отвернулся и произнес:

– Ты лучше подумай, как помириться с Альмой. Ты тут пьяным валялся, а она кудахтала вокруг, как шаманка, не позволяя мне выйти из кухни. И береги голову. У нее, уверен, куча туфель дома. С острыми шпильками.

* * *

7 ноября 2016

Детектив Эндрю Дин жил в Старом городе в многоэтажном доме с неработающим лифтом. На десятый этаж приходилось подниматься пешком, зато вид из однокомнатной квартиры был чудесным: окно выходило прямо на Криттонскую реку, проходящую через парк, и когда Дину удавалось застать закат, он добрых пятнадцать минут смотрел вдаль, любуясь заходящим солнцем, наблюдая, как по воде разливается холодное тепло, как у берега вода кажется белой, а дальше – розовой.

Посреди комнаты, которая служила и спальней, и кухней, и гостиной, стоял небольшой стол, а на нем высился карточный домик. Детектив Дин строил его с самого переезда в Эттон-Крик – уже около трех месяцев.

Дин сунул руки в карманы джинсов, приблизился к столу и обошел его со всех сторон, размышляя о Кае Айрленд. Да, он любил *поразвлекься*. Там, снаружи, он холодный, расчетливый, подозрительный. Собирается (точнее, собирался, пока его не отстранили) раскрыть преступление. А дома он просто Дин и все. Имя, данное отцом в честь прадедушки, он тоже не особо любил. И всем знакомым представлялся как Дин. Или детектив Дин – кому как повезет.

Взяв карту Джокера, он покрутил ее между пальцев, а затем осторожно, задержав дыхание, поместил на тридцатисантиметровую карточную башню – самую низкую из всех пятерых. Когда миссия была выполнена, Дин с облегчением вздохнул и сделал шаг назад.

Возможно, он никогда не закончит строительство замка, а если доведет дело до конца, то разрушит его одним резким движением. Пусть это будет эпичным завершением долгого пути.

Когда-то Дин уже пережил что-то подобное – когда мама покончила с собой. Живя вместе с ней, он будто катался на американских горках. Подъемы и спуски случались внезапно, резкие перепады ее настроения вызывали у него головокружение и тошноту. И всегда, каждую минуту, каждую секунду он жил в предчувствии неминуемого конца.

Дин думал, мама никогда не решится всерьез. Сперва она резала руки, затем, когда он дважды заставлял ее за этим занятием, рыдала, обещая впредь не касаться лезвия. Но она лгала, и ее решимость оказалась сильнее.

В тот день стояло невыносимое пекло, и мама облачилась в длинное цветастое платье. Дин отчетливо помнил его: застегивается на пуговицы, ярко-оранжевое, с красными и желтыми цветами. Странное сочетание оттенков для той, кто решил свести счеты с жизнью.

Мама вышла из дома рано утром и отправилась в парк. Дин шел следом, чувствуя, как дрожит каждой клеточкой тела. Он знал: сейчас что-то случится, вот прямо сейчас, вот-вот...

И тогда он бросился бежать, но не успел – мама уже была на мосту и перелезла через ограждение. Он вопил что есть мочи, звал ее во все горло, но она не обернулась. Она летела. Она превратилась в птицу и летела вниз.

Это было десять лет назад, а Дин все еще помнил то проклятое платье. Помнил, как с криком перегнулся через перекладину и посмотрел вниз, а платье все равно было веселым и оранжевым. *Оранжевым на фоне красного.*

Она просто спрыгнула, и все, и ни о чем не думала. Или думала?

О чем мама думала перед смертью?

Дин знал о чем.

Он отошел от стола и вытащил из-под кровати, накрытой дешевеньким покрывалом, деревянный ящик. Внутри хранились мамины документы, ее дневник, фотографии...

Дин зачитал дневник до дыр, страницы давно истончились и просвечивали. Бережно отложив его в сторону, он достал фотографии. Перебрал их, любуясь маминым лицом, затем остановился на последней, выцветшей и старенькой.

Эльза и Мартина Грейс. Мама и ее сестра.

Дин прикусил внутреннюю сторону щеки и провел пальцем по их улыбающимся лицам. Мама была все в том же ненавистном платье – оранжевом с цветами. На фотографии ей только восемнадцать, стройная, изящная. Ее фигура едва ли изменилась после рождения сына. Рядом Мартина – младшая сестра. На вид ей около десяти.

Дин облокотился о спинку кровати и согнул ноги в коленях. Откинул голову назад и прикрыл веки. *Я дурак*, в который раз подумал он, вспоминая, как после гибели наставника ворвался в участок и перевернул там всё вверх дном. Сейчас он мог быть там, вместе со всеми, расследовать это проклятое дело. Рано или поздно он отыскал бы Криттонского Потрошителя и отомстил за смерть Мартины и матери.

Дин с ненавистью посмотрел в сторону карточного замка. Когда Гаррисон увидел это творение, то со смехом предупредил: «Если продолжишь в том же духе, до достраивать крепость будешь в психушке».

Дин достал из коробки новую фотографию, на которой были изображены девушка и мальчик. Девушка была все в том же оранжевом платье, а мальчик – в желтой футболке и черных спортивных штанах с белыми полосками по бокам. Это детектив Гаррисон. Их семьи до несчастья с Мартиной жили по соседству. Мама присматривала за Майклом с самого детства. В старшей школе она часто с ним нянчилась, помогала делать уроки. Тогда ему было лет одиннадцать или двенадцать. На фотографии он выглядел как обычный мальчишка: щуплый, с выгоревшими на солнце волосами, весь в веснушках и с красным облезшим носом. После смерти Мартины его взгляд изменился, навеки стал мертвым.

То первое убийство накрыло тенью всех жителей Эттон-Крик. Его мать, детектива Гаррисона, который потерял свою лучшую подругу, а затем няню, когда та стремительно покинула город, и других людей.

Мартины Грейс не стало в один миг, но она повлияла на жизни многих и до сих пор влияет. Его матери больше нет, детектива Гаррисона, который взял на себя роль отца, тоже, только Дин остался...

– Идиот, – прорычал он, зарываясь пальцами в волосы.

Целую минуту он всячески бранил себя, затем выпрямился и вздохнул. Расправил плечи и, как и всегда, завершил свой психоанализ мыслью о том, что он все решит. *Он со всем справится*. Даже несмотря на то, что какая-то тварь убила его единственного друга, несмотря на то, что его выперли из участка, как какую-то паршивую собаку. Несмотря на то, что начальник сказал, что еще один такой фокус, и Дин никогда не вернется, *если только в качестве разносчика пиццы, который будет развозить заказы*, Дин поклялся себе, что все вернет на свои места.

Он отложил в сторону фотографии и достал из коробки старый диктофон. Включил его и в тысячный раз прослушал запись:

– *Оли! Неважно, что случится, не говори моим родителям! Я не хочу, чтобы они знали, что он с нами сделал! Оли! Поклянись! Поклянись, что не скажешь, что он со мной сотворил!*

– *С тобой ничего не случится, я не позволю этому произойти!*

– *ОЛИ! ПРОСТО ПООБЕЩАЙ! Оли... я не хочу, чтобы папа видел меня такой!*

– *Дэйзи, мы сбежим! Ты родишь малыша... С тобой все будет хорошо!..*

– *Оли, уходи без меня... уходи без меня, я не хочу этого ребенка.*

– Нет! Мы отнесем эту запись в полицию! Они поверят нам, Дэйзи! Я не позволю...

Дин выключил запись и поднялся на ноги. Вновь подошел к столику с карточным замком. Хотелось смахнуть его на пол, одним резким движением оборвать его существование, как Потрошитель оборвал существование девушек с записи. Растоптать. Топтать до тех пор, пока карты не исчезнут.

Может быть, Кая права, может, Лаура действительно связана с происходящим? И Дин должен сдерживать безумные порывы Леды Стивенсон, защитить ее от себя самой? Вот только справится ли он? С мамой не справился. Ее-то он защитить не смог.

В любом случае стоит попробовать. По словам Каи, убийца – женщина. Дин чувствовал, что, отмахнувшись от видений Аспена, он никогда не докопается до правды и не отыщет Криттонского Потрошителя. Он снова подумал, глядя на диктофон: а не предвидел ли детектив Гаррисон собственную смерть?.. Очень вовремя он передал Дину диктофон – прямо перед случившимся. Позже, когда Дин просмотрел все файлы с камер видеонаблюдения, он не увидел никого подозрительного – у участка было пусто, не считая БМВ Каи Айрленд да каких-то ребят с велосипедами.

Дин бы все отдал, чтобы она *призналась*. Как же он хотел вцепиться в нее зубами и разорвать!.. Он чувствовал: Кая Айрленд в чем-то виновата, но не был уверен, в чем именно. Он не просто так вынес ей приговор. Он видел что-то в ее глазах, какое-то дикое, нечеловеческое равнодушие, пустоту, которая присуща тем, кого он сажал за решетку.

Возможно, не она убила детектива Гаррисона, возможно, не она – *Неизвестный*, но она точно со всем этим связана и скрывает что-то страшное. Теперь необходимо добиться ее доверия. Если получится, они сумеют сопоставить свои знания, и тогда Дин отыщет Потрошителя.

Он подошел к письменному столу, достал из ящика бутылку виски и щедро плеснул в стакан. Замешкавшись на мгновение, Дин решительно поднес стакан к губам, а затем с грохотом поставил его на стол, едва не выплеснув виски на клавиатуру.

– Ч-черт! – Дин отодвинул стакан, плюхаясь в кресло. Внезапно он вспомнил о просьбе детектива Гаррисона. Возможно, то были его последние слова перед смертью: «На моем столе валяется бумажка с электронной почтой. Вышли туда адрес Дэйзи Келли».

Дин сказал: «Без проблем», а сейчас, смахнув с клочка бумажки пыль, уставился на ровный почерк. Это почта Каи Айрленд. Зачем ей понадобился адрес Дэйзи Келли? Уж не собирается ли она наведаться туда?

Дин покачал головой. Нет, пусть отдохнет от его давления. Столько вопросов он не задавал ни одному подозреваемому. И ему стоит отдохнуть. Протрезветь. Повалиться на диване, ни о чем не думая. Посмотреть телевизор. Ах да, у него ведь нет телевизора... И дивана тоже нет.

Дин обернулся в сторону книжных шкафов, где завалялась парочка книг, и склонил голову набок. А может, почитать? Или отправиться в торговый центр и купить телик?

Дин понятия не имел, чем люди занимаются в свободное время. Внезапно он услышал за своей спиной знакомый женский голос:

– Мне нужна помощь с Ледой Стивенсон.

Ах ты ж черт! Испуганно обернувшись, Дин наткнулся хмурым взглядом на стакан с виски. Нужно завязывать с выпивкой, решил он. А голос Каи Айрленд все еще настойчиво звучал в ушах:

– Сейчас, выписавшись из центра, Леда остается без присмотра со своей странной тетушкой, а та готова на что угодно ради доверия племянницы. В том числе игнорировать очевидные признаки ее психического нездоровья.

Детектив Дин выключил компьютер и поднялся на ноги, воодушевившись. Конечно, он не имеет права влезать в чужой дом, но хоть взглянуть-то на него издали можно, так?.. И телик покупать не надо!

Кая советовала поговорить с Лаурой именно сегодня, потому что якобы она только-только вернулась с ночного дежурства и, возможно, будет в хорошем расположении духа. Конечно, он ни с кем не собирался говорить, ведь он даже не имеет права допрашивать ее. Кроме того, он уже однажды говорил с Лаурой, и она ему абсолютно не понравилась. С другой стороны, и ее можно понять – в тот день они с детективом Гэрисоном пришли задать Леде неприятные вопросы.

Так что Дин собирался провести спокойный, хоть и скучный вечер, карауля дом Стивенсонов. Схватив ключи и кожаную куртку, он вышел из квартиры, оставив карточный домик в покое.

Он решит его судьбу позже.

Выйдя из подъезда, Дин на мгновение оглох и ослеп – по крыше, будто желая ее пробить, нещадно барабанил дождь. Затем дворик осветился молнией, и Дин, увидев свою машину, припаркованную на стоянке у невысокого забора, бросился бежать к ней, прикрыв голову руками. Казалось, дождь отчаянно искал жертву, так что, пока Дин пытался вставить ключ в замок, ему за шиворот пролился целый ледяной водопад.

Наконец Дин нырнул в салон и на полную мощность включил печь. Передернувшись, он расправил плечи и позволил теплу разлиться по его замерзшему телу, затем осмотрел стоянку, освещенную фарами, и вырулил на дорогу. Дворники бегали туда-сюда с космической скоростью, но видимость все равно была отвратительной.

Может, это не такая уж хорошая идея, мрачно подумал Дин. Ничего не видно, дождь льет как из ведра, да и с Лаурой он поговорить не сможет... Не отрываясь от ветрового стекла, Дин проверил фонарик, спрятанный в бардачке, и свернул на дорогу в сторону Криттонского парка. В этом районе как раз и жила со своей тетей Леда Стивенсон.

Через десять минут, притормозив у двухэтажного дома, Дин засомневался, а все ли у него в порядке с головой. Он действительно считает Лауру Дюваль подозреваемой? Он и вправду поверил Кае Айрленд и всем этим сомнительным видениям? Откровенно говоря, Дин считал ее немножко сумасшедшей, но он не мог впустую тратить время и валяться на диване перед телевизором. Потому что у него нет ни дивана, ни телевизора, да и Кая Айрленд может оказаться права. Лаура Дюваль была сестрой Оливы – одной из последних жертв Криттонского Потрошителя. Лаура перенесла глубокую травму, которая нанесла ее психике вред, и теперь женщина, по словам Каи, желает освободить девушек от несчастий, на которые ее сама обрек Криттонский Потрошитель.

Дин посмотрел на мрачный прямоугольник дома, нависающий над улицей и вбирающий в себя крохотные частички света, которые просачивались через пелену дождя от уличных фонарей, и пробормотал:

– Ненавижу эту чертову погоду...

Достав фонарик, он порылся на заднем сиденье в поисках зонта. В голове мелькнула мрачная мысль: *да ведь я тоже ку-ку*. Если начальство узнает, чем Дин занимается, пусть и в свободное время, его ни за что не вернут на прежнюю должность. *И ему, как и предсказывал детектив Гэрисон, придется работать в мужском стрип-клубе*.

Откопав наконец-то зонт с несколькими сломанными спицами, Дин повернулся к двери. Выходить наружу не хотелось, тем более он едва успел согреться. Но он отпер дверь, раскрыл зонтик и выпрыгнул из машины прямо в лужу. Раздосадованно зарывчав, Дин захлопнул дверь и притворился, что целенаправленно идет к дому Стивенсонов. Штаны тут же прилипли к ногам, стужа впечаталась в кожу, застывая в мышцах, пальцы, сжимающие ручку сломанного зонта, одеревенели от холода.

Улица была пустой, и Дина утешала мысль, что сквозь чудовищный ливень его едва ли видно из окон соседних домов. *Да никому и в голову не придет таращиться на улицу в такую погоду!..*

Дин прошмыгнул по дорожке к входной двери и с облегчением вздохнул – никто так и не окликнул его. И вот над головой раздалось очередное утробное рычание грома, а затем сверкнула молния, и Дин вдруг осознал: во всем доме Стивенсонов не горел свет. Странно. Неужели все спят? Даже Леда? Он в ее возрасте... впрочем, она необычная девушка.

Тут ему пришла в голову дурная мысль: а что, если Леда, вдохновившись мрачной погодой Эгтон-Крика, прямо в эту секунду взяла в руки лезвие и отправилась спать... *спать вечным сном?* А ее тетя, как и говорила мисс Айрленд, притворилась, что ничего не замечает?

Подкравшись к окну, Дин всмотрелся в темноту дома и поморщился: да, подглядывать в такое время нереально глупо и попросту невозможно. И все же, поняв, что потратил впустую целый час, Дин не расстроился – что угодно лучше, чем сидеть в четырех стенах и думать о Криттонском Потрошителе.

Глянув на экран мобильного телефона, Дин обнаружил, что время перевалило за одиннадцать. Пора вернуться домой, составить новый план.

Громогласное рычание над головой переросло в грохот, будто кто-то стукнул по небосводу молотом и раскроил его на части. На мгновение пространство осветилось вспышкой молнии, и Дин, поежившись, отвернулся и застыл, открыв рот в немом ужасе.

Дождь все еще барабанил по шапке зонта, заливался Дину за шиворот. Все еще грохотало сверху, видимость была дурной. И в полушаге от него кто-то стоял. Фигура в белом. Дин хотел заорать во весь голос «ПРИЗРАК!» и бежать прочь со всех ног, спрятаться в машине, заблокировать все двери, включить в салоне свет и трижды прочесть молитву. Но он стоял, не двигаясь. Фигура напротив по-прежнему была неподвижной, и когда шок схлынул, Дин понял, что перед ним Леда Стивенсон. Щелкнув на кнопку фонарика, он посветил на уровне ее груди и осторожно произнес:

– Пожалуйста, прости, что напугал тебя...

Но Леда все еще не двигалась, будто кто-то заморозил ее. Белая ночная рубашка облепила ноги и тонкое тело, будто вторая кожа. Из-под подола виднелись черные резиновые сапоги, точь-в-точь как у него в детстве, когда они с мамой жили на ферме, на худых плечах висела тяжелая от дождя темно-зеленая куртка.

– Вы его видели? – вдруг спросила Леда, и детектив Дин опешил, услышав ее голос. Почему-то мысль, что перед ним привидение, никак не хотела покидать голову. Леда быстро моргала, чтобы дождь не попал в глаза, ее ресницы слиплись, а губы стали синими от холода.

– Кого? – спросил Дин, украдкой подступив ближе и вытянув над ее головой зонт. Дождь тут же ударил его в спину холодными стрелами. Леда не заметила учтивости, но перестала шуриться и стучать зубами.

– Он не бил меня, – вдруг твердо заявила она, будто Дин возражал ей. – Ничего не было. Ясно?!

Что? О чем она говорит?

Леда продолжала смотреть на Дина широко открытыми глазами. Во взгляде не было узнавания, а ведь они несколько раз виделись. Дин опустил фонарик к ногам.

Дождь продолжал барабанить по шапке зонта, ветер все туже затягивал холодные цепи на их телах. Леда шепнула, уставившись Дину в грудь:

– Он ничего со мной не сделал.

– Кто? – снова спросил он. Потом обвел взглядом темноту и, легонько коснувшись локтя Леды, сказал: – Я думаю, нам лучше поговорить в доме. Твоя тетя еще не спит?

Леда отшатнулась, яростно выкрикнув:

– Не трогай меня! Я сказала, не трогай меня!

Дин отшатнулся. Он автоматически убрал зонтик, и на Леде обрушился холодный ливень. Будто очнувшись, она ринулась бежать по направлению к входной двери. Дин поднял фонарик ей вслед, но Леда уже исчезла в темноте. Оскользываясь на мокром асфальте, где тут и там пробивалась трава, он отправился следом.

– Леда! – позвал он, но призрачная фигура уже скрылась за домом. Упрямо сжимая в заледеневших пальцах одной руки фонарик, который едва ли спасал от тьмы, а во второй руке зонт, Дин обошел дом, пугливо вздрагивая, когда ловил в окнах свое призрачное отражение.

– Леда Стивенсон!

Дин никогда не боялся темноты, но сейчас почему-то ощутил себя в опасности. В приходящем было что-то зловещее.

Брось, парень, здесь всего лишь молодая девчонка! – успокоил он себя, но толку от этого было мало. Где Лаура, почему она не ищет племянницу? И куда подевалась сама Леда?

На заднем дворе темно было – хоть глаз выколи. Утопая ботинками в вязкой жиже, Дин сделал несколько шагов вперед и посветил перед собой фонариком. Косой луч прошелся по забору, отделяющему задний двор от деревьев позади дома, зацепил высокий амбар с покатой крышей и собачью будку.

В будке что-то блеснуло и Дин, на секунду переключивший свое внимание в сторону деревьев (вдруг Леда Стивенсон спряталась там), быстро обратил луч света на будку. *Белые худые ноги в черных сапогах. Сорочка, открывшая кожу. Мертвенно-бледное лицо с бешеными глазами.*

Дин почти забыл, что значит испугаться по-настоящему, но в тот миг, когда он увидел, как Леда Стивенсон выглядывает из будки, его насквозь прошло чувство страха. Спустя целую вечность он все же сумел взять себя в руки и, опустив фонарик, медленно двинулся к затаившейся Леде Стивенсон. Она скрючилась в позе эмбриона, прижимая к груди худые коленки и исподлобья глядя на Дина. В темноте черты ее лица заострились, глаза казались темными, пустыми.

– Я здесь прячусь, – сказала она так тихо, что Дин едва расслышал сквозь ливень.

– Почему ты прячешься?

– Простите, что накричала на вас. Я испугалась.

– Ничего страшного, – заверил он, присев перед будкой на корточки. Шмыгнув носом, он спросил: – Кого ты боишься, Леда? Этот человек все еще здесь?

– Он в доме.

– Прямо сейчас он находится в твоём доме вместе с тетей Лаурой?

– Она никогда его не видела, – просто ответила Леда, вытирая рукой лоб. Короткие белые волосы тут же встопорчились.

– Думаешь, если будешь здесь прятаться, он не найдет тебя?

– Я уже пряталась однажды, – ответила Леда, выглянув за его плечо. – Вам лучше уйти, вы светите фонариком.

– Ох, прости, – спохватился Дин, шелкнув на кнопку. Очутившись в полной темноте с Ледой Стивенсон, он с досадой вздохнул, вспомнив предупреждение Каи Айрленд: чтобы заслужить доверие Леды, Лаура во всем ей потакает. Разве он сам только что поступил не так же?

– Вылезай, Леда, – сказал он твердо, приняв решение и включая свет. Качнувшись на пятках, Дин приподнялся. Под ногами противно чавкнула грязь.

Леда покачала головой:

– Не могу. Он ждёт.

– Я провожу тебя.

– Вы не сможете меня защитить.

– Тогда кто сможет? – спросил он, решив притвориться кем угодно, лишь бы зайти в дом и провести с Лаурой содержательную беседу. Да, Леда провела некоторое время в исследовательском центре, но, видимо, это мало помогло. Почему доктор Гаррисон выпустил ее в таком состоянии? Она же абсолютно себя не контролирует.

– И ты мне не веришь, – сквозь его мысли пробился жесткий голос. Он встретился с голубыми глазами Леды, решив, что ослышался, но нет – ее губы шевелились, повторяя: – А если умру, поверишь?

Какого черта? Она ему угрожает? Или вновь думает о самоубийстве?

– Никто не умрет, – отчеканил он, неуклюже переложив фонарик в руку, в которой уже был зонт. Схватив Леду за запястье, он потащил ее из будки. – Я защищу тебя.

Леда завопила с такой болью в голосе, будто Дин заживо сдирает с нее кожу. Она вышибла из его руки зонт и фонарик и, оскальзываясь на грязи, поползла на четвереньках в сторону калитки.

– Стой! – крикнул Дин. Несколько секунд он был дезориентирован, но быстро нагнал Леду и схватил ее за локоть. Они оба повалились в грязь, но Дин тут же поднял Леду и потащил ее в сторону дома.

– Не трогай меня! Не трогай меня!

– Все будет хорошо, – пообещал Дин. Он не был уверен, что Леда расслышала его голос сквозь шум дождя и собственные вопли. Она все дергалась, будто в конвульсиях, не оставляя попытки сбежать.

– Хватит! – прикрикнул он, когда она врезала ему в скулу.

Но она не прекращала изворачиваться, а Дин так устал, что у него началась изжога. От холода он уже не чувствовал, держит ли Леду Стивенсон в руках, и его посетила мысль, что, если она ударит его по голове, он просто замертво упадет в грязь под розовым кустом и уже не поднимется.

Но Леда не била его. Она редела так громко, что перекрикивала дождь; ссутулилась и вяло передвигала ногами, отчего Дину приходилось силком тащить ее к двери, словно пятилетнего ребенка. Наконец-то он взобрался по ступеням и повернул ручку. Казалось, Леда услышала звук открывшегося замка, и он ударил по ее нервам, будто те были оголенными проводами.

– О НЕТ! ТОЛЬКО НЕ ЭТО, ПОЖАЛУЙСТА! – завопила она, снова попытавшись вырваться. Ударившись головой о дверной косяк, она в то же мгновение ослабла, и Дин едва успел подхватить ее. Втащив Леду в дом, встретивший их темнотой, он закрыл дверь. Тишина оказалась блаженством, но тут на лестнице послышались шаги, а затем наверху загорелся свет. Дин, поддерживая Леду, пошарил по стене ладонью в поисках выключателя. Щелкнув кнопкой, он прищурился от яркого света настенной лампы, оказавшейся у его лица, а затем напрягся, услышав голос Лауры:

– ЛЕДА!

Она застыла на верхней ступени. Пораженная. Безмолвная. До смерти напуганная. Сперва Дин решил, что она испугалась случившегося – Леда по-прежнему была без сознания. Но нет. Лицо Лауры перекопилось от первобытного ужаса, и тогда Дин опустил взгляд на ее руки и увидел, что она сжимает в кулаках кусок какой-то белой ткани.

Дин поморщился: «Это что, фата?»

И тут его сердце бешено застучало. Да, это фата, кусок белой ткани с красными пятнами крови. Крови Камиллы Скалларк, исчезнувшей неделю назад. Лицо Дина прояснилось. Он опустил Леду на пол и прислонил ее спиной к стене, а сам шагнул к Лауре, машинально коснувшись своего пояса на штанах, где раньше была кобура.

Прочистив горло, он спросил:

– Что это у вас в руках?

Лаура спрятала руки за спиной. Дин подошел к лестнице.

– Что-у-вас-за-спиной?

И вдруг Лаура заплакала. Ее грудь, затянутая в форменную рубашку медсестры, лихорадочно подергивалась, через все тело прошла судорога.

– Я не хотела, – шепнула она, – боже помоги мне, я не хотела...

* * *

Когда тетю Лауру арестовали, Леда Стивенсон, кажется, впала в шок. Состояние, когда ее глаза остекленели, а губы приоткрылись, пугало Дина даже сильнее, чем когда она появилась из темноты и спряталась в будке.

Дин хотел уйти, но в голове засела просьба Лауры: *«Пожалуйста, присмотрите за моей девочкой. Когда до нее дойдет суть происходящего, она может сильно испугаться. Она может... вы знаете. Уже все знают, детектив Дин. Не позволяйте ей делать глупости»*. Так что он сходил на кухню и приготовил травяной чай. Леда Стивенсон по-прежнему была в сорочке, облепившей ее будто саван.

– Выпей, – приказал Дин, поставив перед ней кружку с чаем. Леда очень удивила его, повиновавшись. Склонившись вперед, она взяла кружку обеими руками. Не боялась обжечься, будто вовсе не чувствовала боли. Дин так и уставился на ее пальцы, по-паучьи тонкие, мертво-белые.

– У вас когда-нибудь возникало ощущение, что назад пути нет? – вдруг спросила она. Дин вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Опустившись на диван, он произнес:

– Да, частенько.

– И у меня. Очень часто я понимаю, что уже ничего не будет прежним. Я не буду. Мир не будет. Тетя Лаура тоже... – глаза Леды наполнились слезами, и Дин вздохнул: *ну, сейчас начнется представление*. Но Леда, казалось, решила больше не пугать его. Она лишь тихонько всхлипывала, вытирая слезы ладонью. Поерзав в кресле, она подобрала под себя ноги и опустила кружку с травяным чаем на бедро.

– Что же мне теперь делать? Все из-за меня. Это я довела тетю Лауру, я ее мучила. Она даже... не могла спокойно спать, понимаете? – Леда посмотрела на Дина глазами, полными слез, и, отвернувшись, вытерла щеку о плечо. Дин вдруг заметил, что у нее вовсе не худое лицо. Да, пусть Леда Стивенсон бледная, но она не выглядела больной; щеки были круглыми, губы пухлыми, глаза живыми. Дин нахмурился и уточнил:

– Что ты имеешь в виду – не могла спокойно спать?

Он очень хотел выяснить все, что знает Леда о своей тете.

– Ее мучили кошмары. Она часто кричала во сне, бродила по дому. Неудивительно... Понимаете, дело во мне. Во всем только я виновата. Тетя здесь ни при чем.

Дин облилизал пересохшие губы и, помедлив, спросил:

– Ты помнишь, что делала на Хеллоуин? Где ты была?

– Я была дома. Тетя Лаура позволила мне провести вечер дома, и я была здесь и смотрела телевизор.

– Ты была дома и никуда не выходила?

– Нет, я смотрела телевизор.

– А твоя тетя?

– Она спала.

– Что ж... – Дин украдкой огляделся. Гостиная была светлой, а из камина все еще шло тепло. На полке стояли рамки с фотографиями и депрессивными черно-белыми рисунками.

И вдруг Дин удивил самого себя, когда с его губ сорвался странный вопрос:

– А ты помнишь, что случилось час назад?

– Что вы имеете в виду? – Леда округлила глаза.

– Ты была на улице.

Леда вдруг вскочила и бросилась в сторону кухни. Дин обернулся вслед удаляющейся фигуре. Смутилась? Еще бы! Он видел ее в таком состоянии, в котором... *она была в будке*. Пряталась от него, словно безумное животное, скованное страхом и желанием выжить.

Немного подумав, он направился вслед за девушкой; уже приготовился к новой вспышке гнева, но войдя на кухню, обнаружил Леду за столом: она нарезала хлеб.

– Вы голодны? Хотите тост?

Дин был ошеломлен такой внезапной сменой настроения и медленно покачал головой. Вообще-то он надеялся, что Леда попросит его уйти, скажет, что ей хочется побыть одной.

– Нет, я не голоден.

Дин посмотрел на окна. Голые, без занавесок и жалюзи. На подоконниках нет ни горшков с цветами, ни украшений. Возможно, именно в это окно, прямо над раковиной, он заглядывал с улицы. Пока он размышлял, Леда уже выложила на тарелку два свежих тоста и как ни в чем не бывало осведомилась:

– Вы ведь знаете, что можете уйти в любое время?

– Могу?

Леда посмотрела на него на удивление пронизательным и взрослым взглядом.

– Да, можете. Вы не взаперти, детектив, а мне не пять лет. Я справлюсь. Почему вы так смотрите?

Дин бесстрастно ответил:

– Потому что час назад ты шаталась по двору словно привидение, а затем пряталась от меня в будке. И все это под ледяным дождем.

Леда ничего не отвечала долгое время, и Дин подумал: она абстрагировалась или снова находится в своем мире, а может...

– Вас когда-нибудь насиловали?

Пришла его очередь молчать. Значит, Леда не была в своем мире, она *размышляла*. Прошла целая вечность, прежде чем Дин проглотил склизкий противный осадок в горле и ответил:

– Нет.

– Вот и не смотрите на меня. Вы никогда меня не поймете. – Леда с вызовом выгнула белые брови. – И, если не хотите тост, вы знаете, где выход. До свидания.

Тон голоса, каким Леда произнесла «до свидания» был однозначным: *не возвращайтесь*. Она вернулась к тостам, подтянула к себе банку с яблочным джемом, зачерпнула немного и шлепнула на хлеб.

Но Дин уже отбросил мысль уйти, напротив, он, нахмурившись, сделал шаг вперед, встав с другой стороны стола. В голове всплыли слова Каи Айрленд о том, что Леде грозит опасность. Она это имела в виду? Кая знает, кто за всем этим стоит? *Нет, она бы сказала*.

– А тебя? – *А тебя когда-нибудь насиловали?*

Дин ступал по кафелю так тихо, словно подсознательно боялся спугнуть Леду – жертву неприятной беседы. Она даже не подняла головы, когда он задал вопрос, лишь напряглась и зачерпнула из банки больше джема. Затем опустила ложку назад и посмотрела на Дина с улыбкой.

– Нет, а почему вы спрашиваете?

Дин помрачнел, уже не понимая, кто перед ним. Казалось, внутри Леды жило два, а может быть, три человека, и они сменяли друг друга так быстро, что Дин не успевал их фиксировать. Так кто сейчас на него смотрит? Разумная девушка или девочка, которая час назад спряталась от него в будке?

В одном Дин был уверен: Леда Стивенсон – жертва насилия.

– Это твой отец? – спросил он, сделав еще один крохотный шагочек в ее сторону, в то время как Леда перестала дышать. – Твой отец это сделал? Ты сказала, что мне не понять, что ты чувствуешь, ведь меня никто не насиловал, а тебя – да.

– Я не то сказала, – дрожащим голосом возразила Леда, не отрывая взгляда от столешницы.

– Это сделал твой папа?

Она превратилась в мраморную статью. Она хотела закричать на Дина, возразить, швырнуть в него что-нибудь, но просто застыла. Поэтому он не усомнился в своем предположении. Это мог быть сосед, учитель, просто незнакомец, но это был ее отец. *Это был Джек Стивенсон. Это он, когда дочь была маленькой, покупал ей мягкие игрушки, чтобы она не рассказывала никому об их играх. Это он избил ее первого парня до полусмерти, когда увидел их целующимися в машине. Он был тем, кто оставил на ее теле шрамы.*

– Нет.

– Да. Просто скажи правду, Леда.

– Что за бред вы несете, детектив?! Вы следили за моим домом, поэтому вам нужно придумать историю? Этим вы занимаетесь в участке – рассказываете небылицы?! – завопила она. – Вы сошли с ума? Мою тетю арестовали по обвинению в убийстве, и вы считаете, что этот вечер – подходящее время для дурацких шуток?!

– Тогда кто, Леда?

Эндрю Дин, поговаривали в участке, был чуточку эксцентричным и сумасшедшим (некоторые называли его идиотом), и именно поэтому его приставили к детективу Гаррисону – чтобы тот присматривал за *нерадивым мальым*. И выходка после смерти наставника и друга была лишь поводом для вынужденного отпуска – его отстранили не потому, что он напился. Дело в том, что за безумным и жестоким детективом Дином теперь некому было присматривать.

– Никто! – завопила Леда, брызжа слюной. – Не ваше дело!

– Не мое? А чье тогда? Ты, повторяю, бродила под дождем, напугала меня...

– А не нужно было соваться в чужой двор!

– И ты спросила, насиловал ли меня кто-нибудь, – закончил Дин таким тоном, словно его не перебивали. Леда подавилась воздухом. Она сжала виски указательными пальцами и устала себе под ноги. Тяжело дышала, издавая странные, рыкающие звуки.

– Просто уберите, уберите прочь!

– Леда, послушай. – Он тут же решил сменить тактику и смягчил тон. – Это не шутки, понимаешь? Мы должны выяснить правду, и ты должна помочь...

– Ничего я вам не должна! – рявкнула она, придя в ярость. Дин опешил: *орет так, словно кто-то много раз повторял, что она что-то должна.*

– Хорошо, оставим эту тему. Мы просто волнуемся, и не зря, верно? В Эттон-Крике некто охотился... точнее, охотится, – исправился он, решив, что, если заявит перед Ледой что ее любимая тетушка – убийца, она ни за что не станет продолжать разговор. – Некто преследует молодых девушек, таких, как ты.

Он за секунду до того, как сболтнул о видениях, свернул в другую сторону:

– Ты говорила, что за тобой кто-то следит, что он...

– Откуда вы знаете? – она подозрительно прищурилась.

– Ты ведь написала в полицию заявление, помнишь? Утверждала, что в твой дом кто-то вломился и пытался напасть на тебя. Кто-то следит за тобой, и поэтому ты...

– Так! – перебила она вновь и резким шагом обогнула стол. Дин не успел спохватиться, а она уже схватила его за локоть и стала тащить к входной двери. – Вам здесь не рады!

Ему нигде не рады.

– Леда. Стоп. Ты не имеешь права выпихивать меня, – заявил Дин, поворачиваясь к девушке. О том, что он временно без работы, он не стал упоминать. А ей было все равно – она рассмеялась:

– Не имею? Имею. Это мой дом, так что катитесь! – и толкнула его в грудь.

Она была права, поэтому он сдался и, отвернувшись, проследовал в коридор. Он специально медленно принялся зашнуровывать ботинки. Сначала один, затем второй. Леда при этом опасно нависла над ним, будто гильотина.

– Послушай, – Дин выпрямился и потянулся к вешалке, где висела его влажная куртка. На Леду он не смотрел, хотя она буравила его злым взглядом. – Если это твой отец, помни: он мертв.

– Вон, – бросила она в ответ, распахивая входную дверь.

– Ой! – на пороге стояла миссис Томпкинсон под белым в черную крапинку зонтом. – А я даже постучать не успела...

Женщина подняла голову вверх, чтобы взглянуть в лицо детектива Дина. Догадаться, что этот человек – детектив, было проблематично, поэтому она сделала только один вывод:

– Ох, Леда, дорогая, ты с молодым человеком?

– Он уже уходит, – отрезала та, выжидаяще посмотрев на Дина. Он кивнул ей:

– Помни, что я сказал, – и посмотрел на посторонившуюся миссис Томпкинсон. – Добрый вечер.

Он вышел под дождь и быстро скрылся в темноте, а Леда поежилась, представив, как ему за шиворот стекает ледяная вода. Она опомнилась от неподходящих мыслей, когда миссис Томпкинсон, стряхнув с зонта дождь, проскользнула в дверь, которую Леда не успела закрыть.

– Я не хотела вам мешать, – первым делом сказала она. Леда вежливо улыбнулась:

– Мы с этим мужчиной не встречаемся, и вообще вы пришли очень вовремя.

– Правда? – с сомнением спросила миссис Томпкинсон, посмотрев на дверь, словно могла видеть сквозь нее.

– Да, я как раз собиралась перекусить. Пожалуйста, проходите на кухню, – приветливо произнесла Леда. На самом деле ей хотелось, чтобы женщина последовала примеру детектива Дина и удалилась к себе. Ей хотелось остаться одной, подняться наверх, залезть под одеяло, закрыть глаза...

Как там тетя Лаура? Что она сейчас делает? Наверное, сидит в допросной комнате. И может быть, прямо сейчас этот высокий красивый мужчина с пристальным взглядом зеленых глаз направился к ней? Будет разговаривать с ней резким тоном, грубить и «выбивать правду»?

– Мне, пожалуйста, ромашковый чай, – сказала миссис Томпкинсон, присаживаясь за стол посреди кухни. Леда вздрогнула и кивнула:

– Да.

– Надо поспать хоть немножко. И тебе тоже, Леда. Выглядишь ужасно. Еще бы! Но я уверена, детективы разберутся в происходящем, дорогая, я уверена! Твоя тетя ни в чем не виновата! Я знаю ее очень хорошо, и такого добродушного и ответственного человека надо поискать.

Леда промолчала. Ей сейчас было не до болтовни, она пыталась придумать, как отделаться от соседки. И еще она знала: как только миссис Томпкинсон уйдет и Леда останется одна, придет Он. Он приходит, когда она остается в одиночестве и ее некому защитить. Поэтому Леда почти что с нетерпением ждала, когда же уйдет миссис Томпкинсон. В этот раз, до того, как его тяжелые ботинки шагнут на порог, она сделает это – просто перережет себе вены. Он не успеет причинить ей боль, Леда сделает это сама. Она наконец-то победит его.

– Неплохой. – Леда подскочила, внезапно услышав голос миссис Томпкинсон.

– Простите?

– Я сказала, этот молодой человек, который только что ушел, неплохой. Высокий, статный. Взгляд серьезный. Чем-то напоминает мне моего Романа в молодости, до того, как он запил. А теперь каждый вечер бутылку пива выпивает перед телевизором. Я ему говорю: «Мозги пропьешь, дурак», а он отвечает, что это его мозги и он будет делать с ними все, что захочет.

– Это не мой парень, – повторила Леда. Ей не хотелось говорить, что человек, которого поздним вечером встретила в доме Стивенсонов миссис Томпкинсон, был детективом. Тогда в их районе поползут такие грандиозные сплетни, что... а впрочем, Леды уже не будет в живых.

Решив, что можно подшутить над женщиной, она сказала:

– Он на самом деле мой жених.

Соседка тут же подавилась ромашковым чаем и вытаращила глаза, доставив Леде невероятное удовольствие.

– Да как же так? – прокряхтела миссис Томпкинсон сквозь кашель. – Почему мы ничего не знаем?

Леда пожалала плечами, едва сдержавшись, чтобы не ответить, что это не ее, миссис Томпкинсон, дело, чтобы она знала, что творится в сумасшедшей семейке Стивенсонов.

– Ты беременна? – с придыханием спросила соседка, бросив взгляд на живот Леды. Та быстро замотала головой, откладывая на тарелку тост, который собиралась укусить.

Стоило подумать, что она и детектив Дин... что они... Ее сразу же бросило в жар, а затем в холод.

– Разумеется, нет! Что такое вы говорите? Ничего подобного, миссис Томпкинсон. Я не беременна. Просто мы с д... с Дином решили пожениться.

– Дин – его так зовут? – уточнила миссис Томпкинсон. Леда кивнула, начиная жалеть, что затеяла эту игру и притворилась невестой детектива Дина. Это совершенно на нее не похоже!

– А что Лаура думает на этот счет?

Она сейчас в комнате для допроса, – хотела ответить Леда, – и детектив Дин ее как раз допрашивает.

Но прочистив горло, она легкомысленным тоном ответила:

– Я не знаю, что тетя Лаура думает на этот счет. Но я уверена, что она согласна.

Ну да, ну да. Согласна, как же. Стоит только вспомнить, каким презрительным и злым был ее взгляд после их знакомства. Теперь для Леды все встало на свои места. Тетя Лаура просто боялась, что детектив Дин откопает правду, узнает обо всех ее преступлениях. Вот почему она так ненавидела его.

Миссис Томпкинсон, увидев, что на лице девушки промелькнуло чувство страха, похлопала ее по ладони:

– Не переживай, милая. Все разрешится. Это просто обычная беседа, вот и все. Ведь Камилла была вашей соседкой. Это обычная процедура. С нами детективы тоже беседовали. Но Роман, как обычно, был пьян и не смог связать двух слов, старикашка!

– И что вы рассказали, миссис Томпкинсон? – спросила Леда, возвращаясь за стол.

– Налей мне еще чаю, – попросила та, и Леда тут же схватила чайничек и заново наполнила кружку госты. Сделав глоток, миссис Томпкинсон произнесла:

– Конечно же, я рассказала правду. О том, что ее папаша, этот мерзкий тип, избивал и жену, и дочь. Досталось ему, конечно! Я слышала... – ее голос снизился до шепота, хотя в доме никого не было, – что его порубили на кусочки. Крошечные кусочки. Когда полиция зашла в ванную комнату, *он был в трех разных мусорных мешках.*

Леда отшатнулась, услышав последние слова, и выразительно посмотрела на соседку. Та кивнула:

– Так все и было. Мать была завернута в шторку для душа, а Скалларк...

– Исчезла, – эхом закончила Леда.

Миссис Томпкинсон кивнула, глядя на Леду широко открытыми глазами. Она выглядела так, словно хотела всласть насплетничаться, но Леде это казалось дикостью – обсуждать все так, будто это случилось не здесь, не в Эттон-Крик. Леда прекрасно помнила Скалларк, они же были соседями.

Наконец-то миссис Томпкинсон пожелала спокойной ночи и ушла, напоследок спросив: – Ты, наверное, сильно удивилась? Ну ничего, милая, не переживай, все разрешится...

Леда солгала. Она не была удивлена, увидев сегодня в руках тети странную окровавленную вещь. Она не была удивлена, услышав, как с ее уст срывается признание, полное чувства вины и горечи. Леда, напротив, ощутила облегчение, почувствовала, как с ее собственных плеч спадает груз тревог, стыда и вины. Потому что Леда знала о преступлении уже целую неделю.

– *Он был в трех разных мусорных мешках*, – вспомнила она слова миссис Томпкинсон и сморгнула слезинку.

Тетя Лаура не могла этого сделать. Это не она, это кто-то другой; кто-то безумный и жестокий, кто-то сумасшедший, кто-то, кому плевать на жизнь других людей. Ее тетя Лаура не такая, она старшая медсестра в больнице, она заботится о больных. Она заботилась о Леде, пыталась уберечь ее от самой себя.

Это не тетя Лаура.

Но ты видела ее, Леда, это она. Ты же помнишь ту страшную ночь.

Нет...

Но Леда Стивенсон помнила.

Первого ноября она проснулась поздней ночью, потому что решила, что дети кидаются в ее окно камешками, но, когда выглянула на улицу, поняла, что пошел снег. Он был восхитительным, пушистым и мягким.

Леда так любила снег, что тут же открыла окно и перегнулась через подоконник, подставив снежинкам заспанное лицо. И вдруг она увидела внизу во дворе что-то странное и застыла.

Какая-то фигура, скрючившись, стояла под раскидистой елью. *Это тетя Лаура*. Несмотря на снег, появляющийся из темноты, тетя Лаура совершала методичные движения. Леда, прищурившись, высунулась из окна ниже. *Она что, копает?*

У Леды в груди заворочалось плохое предчувствие. Она вернулась в комнату, накинула на плечи шерстяную кофту и стремительным шагом спустилась на первый этаж. Сунув ноги в резиновые сапоги, она набросила на голову капюшон куртки и выбежала из дома.

Ее тут же яростно атаковал ветер, швыряя холодные снежинки ей в лицо, но Леда, ни секунды не мешкая, прикрыла глаза капюшоном и обошла дом. Тетя Лаура по-прежнему стояла под елью и, похоже, пыталась выкопать яму. Орудя огромной лопатой, она не заметила, как Леда приблизилась. Взмах – и земля летит в сторону аккурат на большую коричневую кучу грунта рядом; взмах – земляной ком стал выше. Тетя Лаура копала, не щадя сил, и лишь дважды отвлеклась – чтобы промокнуть лоб.

– Тетя Лаура, что вы делаете? – наконец спросила Леда дрожащим голосом, обхватив себя руками и переступив с ноги на ногу. Женщина резко обернулась. Не без труда выпрямившись, она пристально осмотрелась.

Леда не могла понять, что происходит. Тетя Лаура не дала нормального объяснения происходящему, а, наоборот, выглядела воровато, так, словно ее застали за непотребным делом.

– Что вы делаете? – Леда приблизилась, и тетя Лаура отступила на шаг назад, к яме, которую вырыла. – Вы что-то пытаетесь спрятать?

– Нет! – вскрикнула она, затем взяла себя в руки и твердо сказала: – Леда, возвращайся домой. Иди наверх. Уже поздно. И холодно. Иди домой.

– Но что вы делаете? Зачем роете яму?

– Ни за чем, милая, – успокаивающим тоном ответила тетя Лаура. Она сделала несколько шагов по направлению к племяннице и приобняла ее за плечи, ласково повторив: – Иди наверх, дорогая.

– Но...

– Никаких «но»!

– А что это у вас выпало? – спросила Леда, наклоняясь к земле. Тетя Лаура тоже склонилась, рывком хватая с земли выпавшую из кармана вещь. Леда потянулась к ней, но тетя Лаура отступила.

– П-п-почему на ней кровь?! Что это значит?! – Леда вытаращилась, требуя ответа, но тетя указала на дом, разъяренно вскрикнув:

– Немедленно возвращайся внутрь!

– Тетя Лаура, что вы наделали? Чья это кровь?

– В ДОМ! – так громко завопила она, что Леда подскочила, и на ее голову, кажется, свалился целый сугроб снега. На соседнем участке загавкал пес. Заливистый лай подхватили другие собаки, а где-то в лесу, Леда могла поклясться, послышался волчий вой.

– Прости, дорогая, – пробормотала тетя Лаура, поднимая ладонь к лицу племянницы. Леда шарахнулась в сторону от протянутой руки, покачала головой.

– Не трогайте меня.

– Леда!

Но она развернулась и бросилась бежать в дом, окна которого горели неприятливым холодным светом. На втором этаже в ее комнате занавески вырвались наружу сквозь распахнутое окно и призрачно колыхались, будто кто-то выглядывал во двор. Но этой ночью Леда боялась не того, кто был снаружи, а того, кто прятался внутри дома.

Теперь, вспомнив тот страшный эпизод, случившийся неделю назад, Леда почувствовала себя лучше, зная, что все закончилось. Оставшись наедине со своим тихим, умиротворенным домом, снаружи которого бушевала гроза, она ощутила себя свободной. словно раньше, пока здесь был детектив Дин, миссис Томпкинсон и тетя Лаура, ей некуда было деваться. Теперь, когда дом опустел, Леда снова смогла дышать.

Она оттолкнулась от двери и, расправив плечи, направилась наверх. Каждый ее шаг был неспешным, несмотря на то что *он* мог нагрянуть в любой момент и прервать очередную попытку. И пусть Леда до смерти его боялась, ей хотелось уйти из жизни неспешно, перед этим прочувствовав ее каждое болезненное мгновение. Она стала повелительницей своей жизни. Это *она* решила надеть белоснежное кружевное платье этой ночью. Это *она* решила выйти в нем под дождь, когда увидела детектива Дина – никто не заставлял ее.

Когда несколько часов назад Леда скинула с себя тяжелый свитер и шерстяную юбку, которые отталкивали ненужное внимание, а вместо мешковатой одежды надела любимое мамино платье, ей показалось, что она избавилась от тяжелых оков.

Леда не могла остаться наедине с собой долгие годы, за ней всегда кто-то присматривал. Больше никого нет. Этим утром никто не вытащит ее из ванной комнаты. Никто не станет делать ей искусственное дыхание, никто не перевяжет запястья марлевой повязкой, никто не позвонит в больницу, чтобы ее спасти.

Дом пуст. Впервые за долгое время Леда почувствовала свободу, почувствовала, что сама несет ответственность за свои поступки. Она больше не марионетка. Она обычная девушка. Она вольна выбирать смерть.

Смерть – это выход. В ее случае – да.

Она вошла в комнату и закрыла дверь. Вдохнула полной грудью, подошла к окну и распахнула его настежь, как той ночью, когда увидела тетю Лауру. В этот раз Леда видела лишь вспышки молнии да белую пелену дождя, которая колебалась от порывов ветра.

В голове – ни одной мысли. В душе нет даже капли страха.

Сначала Леда хотела сменить мамино платье на обычную футболку, но передумала. Пусть ее найдут красивой. Пусть она будет красивой, когда станет свободной.

Подойдя к зеркалу, она пригладила короткие белые волосы. Раньше ее волосы были красивыми и длинными. Учительница в средней школе даже в шутку называла Леду Рапунцель, и та всегда смущенно краснела. Она боялась внимания. Сегодня не боится.

Леда улыбнулась своему отражению. Щеки покраснелись, губы приоткрыты. Впервые за много лет она накрасила их помадой, придав им выразительный цвет спелой вишни. Еще раз поправив прическу и платье, она направилась в ванную. Включила воду и вновь вернулась в комнату, остановившись у раскрытого окна. Дождь, почувствовав лазейку, ворвался в спальню бешеным вихрем. Всколыхнул занавески, коснулся тетрадей, лежащих на столе, нежно-розового покрывала на кровати, оставил на полу холодную лужу.

Сегодня ты станешь свободной, – ее позвоночника коснулся холодный воздух.

Леда вернулась в ванную и выключила воду. Приподняв подол платья, она ступила в ледяную воду сначала одной ногой, затем второй. На мгновение холод вышиб дух из ее легких, но Леда быстро взяла себя в руки.

Свобода не всегда легкое решение. Свободы нужно добиться, ее нужно заслужить.

Не без труда расслабившись, Леда прикрыла веки и медленно погрузилась под воду. Та перелилась за край и потекла по кафелю в спальню. Раньше Леда бы подскочила и принялась все убирать, но не сегодня. Сегодня она выбрала сидеть здесь, потому что не боится наказания. Ее больше никто не накажет за беспорядок, за длинные волосы, за белые платья, короткие юбки.

Леда Стивенсон свободна.

Игнорируя дорожку воды, которая уже доползла до спальни, Леда потянулась к своей сумке, лежащей на сиденье унитаза, и вытащила охотничий нож, доставшийся в подарок от отца.

Символ ее свободы.

Она вспорет себе вены его оружием.

Время остановилось, пока Леда крутила нож в пальцах, любуясь его красивым лезвием. В нем отражались ее красные губы. Скоро здесь все станет красным.

А стоит ли торопиться? Хочется еще немного насладиться этим чувством контроля. Леда играет с ним, заставляет в венах вскипеть кровь.

Еще немножко.

Тук.

Тук.

Тук.

Леда подскочила так резко, что выронила нож на дно ванны. На пол водопадом хлынула вода. Леда обернулась к двери, затаившись от первобытного страха, словно дикий зверь.

Тук.

Тук.

Тук.

Белоснежная дверь с серебристой ручкой приближалась, но больше ничего не двигалось. Только дверь.

Тук.

Тук.

Тук.

– Леда... – послышалось из-за двери. Шепот был тихим, тягучим и сладким. – *Я нашел тебя, Леда...*

Тук.

Тук.

Тук.

Он стоял с той стороны, лениво облокотившись о дверной косяк, и отстукивал костяшками пальцев ритмичную мелодию. Раздосадованно вздыхал и стучал вновь.

Тук.

Тук.

Тук.

– Леда...

Она закрыла дверь? – ее первая мысль. Взгляд широко открытых, наполненных ужасом, голубых глаз прикипел к ручке двери. Казалось, она поворачивается. Но она не поворачивалась.

– Леда... открой мне дверь...

Она почувствовала в пальцах невыносимую боль и поняла, что вцепилась обеими руками в бортики ванны, словно в спасательный круг, словно ей велели: «Держись крепче, Леда, мы стремительно падаем!» И она держалась так крепко, что фаланги пальцев хрустнули и сломались ногти.

Тук.

Тук.

Тук.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге возник он.

– Ты не рада видеть своего папу?

* * *

Леда Стивенсон закричала и ударила руками по воде. Коснулась пальцами ножа и вскинула его вверх, направив на отца.

– НЕ ПОДХОДИ!

– Иначе что? – он надменно вскинул бровь, но не приблизился. Не боялся, но хотел послушать. В голубых глазах отразилось искреннее любопытство. – Порежешь меня? Или может... – он вошел, ступая новенькими ботинками по кафелю. – Или, может, себя?

Он схватил дочь за запястье и с силой сжал пальцы, да так, что кожа натянулась, лопаясь, и хрустнули кости. Он поднес ее руку к своему горлу и с улыбкой прошептал:

– Давай. Режь.

Она сжала зубы.

– Режь, – повторил он тверже. Они смотрели друг другу в глаза не моргая. Противостояние длилось целую минуту, и никто не отводил взгляда. Она боялась, а он всего лишь играл. – РЕЖЬ!

– ПАПА! – Леда испуганно выронила нож, услышав его рык. А отец со всей силы ударил ее по лицу наотмашь; ее голова дернулась в сторону, из носа потекла кровь.

– Д-дрянь! – выругался он, хватая ее за ухо и вытягивая из ванны. – Живо выбирайся, маленькая дрянь! Сколько раз я повторял тебе: не играй с острыми предметами! Или тебе интересно взглянуть что будет, если ослушаться?!

– Нет, папа, нет! – Леда бочком двинулась в сторону спальни, прикрывая ладонью ухо, в которое вцепились пальцы отца. Его ладонь была ухоженной, кожа здоровой и красивой. *Он жив.*

– А что тогда?! – взревел он, грубо отталкивая ее от себя. Из разорванного уха сочилась кровь, из глаз брызнули слезы злости и отчаяния.

Свобода? Она просила свободы? Ей *никогда* не освободиться от него. Он всегда будет где-то поблизости, насмехаться, контролировать, унижать, бить до полусмерти.

– И для кого ты нарисовала губы? – спросил он, презрительно сощурился голубые глаза. – Мало тебе было прошлого раза?

– Ни для кого, папа.

– Может, ты нашла себе мужчину и больше не любишь меня?

Он неспешно прошелся вокруг дочери, валяющейся на мокром полу. С Леды все еще стекала вода, оставляя лужицы. Холодный ветер, забравшийся в дом сквозь окно, жалил обнаженную кожу.

– Нет, папа, ты не так понял. Этот детектив...

– Я видел, как он смотрел на тебя, – оборвал отец. – О, да, видел. Когда ты закинула ногу на ногу, он уставился так, что я думал, он набросится на тебя прямо там. – Отец склонился к ней, сжавшейся на полу, и издевательским тоном произнес: – А он видел твои шрамы?

Он пальцем коснулся бедра Леды, провел выше, задевая кружево мамино платье. Подполз вверх.

– Или ты еще не все показала ему?

– Все не так.

– А как?! – взревел отец, острым носком ботинка ударяя ее в живот. – Что это было?! Что-то-было?! – Удар за ударом, и вот уже ребра, кажется, хрустнули под напором. Леда закашлялась и сплюнула в лужицу, натекшую из ванной, кровь. Красные капли тут же стали нежно-розовыми.

– Я спрашиваю, как все было?! – повторил отец, выпрямляясь и уперев руки в бока. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, на шее пульсировала жилка.

– Он никто, – шепнула Леда.

– Никто, – повторил он, опустив на нее взгляд. – Раньше ты была такой красивой. Маленькая милая девочка. А теперь в кого ты превратилась, Леда? Ты все больше и больше напоминаешь мне ее – твою мамашу! – рявкнул он, снова ударив Леду по лицу. Ее голова стукнулась о пол, острая боль пронзила виски и шею. Леда застонала и перекадилась на спину.

– Это был детектив...

– Я знаю, кто это, маленькая шлюшка! Я все, я все видел! Видел, как вы смотрели друг на друга! Это просто детектив, говоришь ты? Я видел, как загорелись твои глаза, когда он касался тебя! Как нежно он поднял тебя на руки. Думаешь... – удар по ребрам, – ты, – вновь удар, – нужна ему?! Никогда!

Леда закашлялась, и кровь смешалась со слезами. Было обидно и больно, ведь она ничего не сделала.

Нет. Сделала.

Она захотела освободиться. Никто никогда не отпускает заключенных раньше срока. Их, скорее, преждевременно отправят на казнь, ударят по ребрам сто двадцать раз, разобьют лицо и вырвут волосы с корнем.

Отец вновь присел на корточки.

– А была такая невинная девочка... – шепнул он, нежно касаясь ее белых волос. Лицо Леды превратилось в месиво, кровь запуталась в серебристых прядях, собралась вокруг головы в густую багряную лужу.

Сколько еще крови осталось? Когда она полностью вытечет?

– Я никогда не позволю тебе уйти, моя девочка. Ты только моя.

И Леда на мгновение вернулась в далекое детство, когда отец впервые подарил ей мягкую игрушку. Он тогда спросил:

– Ты любишь папу?

И она ни капли не сомневалась:

– Да, люблю. Конечно, папочка!

– Тогда ты должна делать все, что я попрошу тебя, верно?

И тогда малышка Леда вновь кивнула, не понимая, о чем идет речь. А на следующий день у нее появился большой пухлощекий плюшевый медведь розового цвета, а она и не была рада; она спрятала медведя в шкафу, а сама забралась под одеяло с головой и притворилась, что она в своем замке, а ее охраняет Принц.

Только в ее фантазиях Принц был не собакой, а настоящим злым драконом. Пес не знал о желаниях своей маленькой хозяйки, он только тыкался носом в ее одеяло, прося его впустить, жалобно скулил. А когда Леда вынырнула из-под одеяла, ставшего горячим от ее дыхания, Принц лизнул ее в мокрые от слез щеки.

Это было в далеком детстве, и, повзрослев, Леда больше не интересовала отца. Раньше он был нежным, сейчас – жестоким. Раньше он не позволял ей прятаться в шкафу среди выпотрошенных ею игрушек, а сейчас не позволял уйти, потому что она сама превратилась в игрушку.

– Детектив Дин – никто, – прохрипела Леда сквозь кровь в горле. – Он никто.

– Правильно, моя маленькая девочка. В твоей жизни навсегда останусь только я. Тебя больше никто не примет. Ты никому не нужна. Ты, как это говорится, испорченный товар. – Он коснулся губами ее влажного от крови и пота виска. – Ты повзрослела и перестала быть интересной. Но если ты хочешь его... – рука скользнула по ее бедру под платье, – я могу притвориться им на одну ночь.

Леда завопила, с проворностью отодвигаясь. Он вскинул в ответ руки, будто сдаваясь, и расхохотался.

– Что, больше не хочешь, чтобы я был внутри тебя? А в детстве тебе очень нравилось. Ты забыла, Леда? Ты часто приходила к папе, когда боялась грозы, часто приходила ко мне, потому что хотела сказку, *помнишь?*

– Нет! – завопила она, срывая голос. – Этого не было! Я не просила тебя! Я ненавидела тебя! Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

– Ну-ну. – Он по-доброму улыбнулся, поднимаясь на ноги. – Плохие слова, за которые придется тебя наказать... Ты плохая, плохая девочка...

Он медленно направился к ней.

– Наверное, мне все-таки стоило жениться... женской руки тебе не хватало, милая. Повзрослела и стала распущенной девицей. Губы красишь, с детективом заигрываешь... Показываешь ему ночами все самое сокровенное...

Леда заплакала, склонив голову набок. Она знала, какое наказание ее ждет, и больше не хотела подвергаться пыткам. На ее теле не осталось живого места, нет клеточки, которую не осквернило это существо.

Дернувшись, когда в поле зрения появились его ноги, она вскрикнула:

– НЕ ПРИБЛИЖАЙСЯ!

– А то что? Ты меня ударишь? Убьешь? Что ты сделаешь?

– Я УБЬЮ ТЕБЯ! – заорала Леда. – Я убью тебя! Убью тебя! Убью!

Брызнула слюна, на висках и лбу болезненно вздулись вены, внутри горла кто-то прошелся наждачкой.

– Ах ты маленькая дрянь!

– НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!

– Закрой свой рот! – Отец схватил ее за многострадальное ухо и потащил назад в ванную комнату. Колени Леды скользили по полу, ударились о порожек, а затем о кафель и оставили кровавые следы.

– Нет, папа! – воскликнула она, но тут же захлебнулась, когда он погрузил ее по плечи в воду. Леда продолжала кричать, но из горла вырывались только безобразные звуки и пузыри. Царапая запястье отца сломанными ногтями, Леда вдруг увидела на дне ванны охотничий нож. Оставив бесполезные попытки высвободиться из плена, она кончиками пальцев дотянулась до него, крепко схватила и вскинула руку вверх. Отец удивился и выпустил ее. Захлебываясь

воздухом и откашливая воду, Леда повернулась к нему лицом и выставила дрожащую руку вперед. Лезвие ножа угрожающе сверкнуло.

– Не приближайся. Ты чудовище.

– Ты такая же, как я, моя сладкая девочка, – шепотом ответил он, положив ладонь на ее ободранную коленку. Леду парализовало сразу несколько чувств. Она опустила взгляд на его руку, пробирающуюся под ее платье. – Помнишь, в детстве, когда ты падала с велосипеда и приходила ко мне... я нежно лечил твои царапины?

– НЕТ! – рявкнула она, отодвигаясь и вновь вскидывая руку с ножом. – Ты больше не притронешься ко мне. Ты мерзкая тварь!

Он расхохотался, запрокинув голову к потолку. Леду ослепила ярость, его смех – тысячи колючих иголок, воткнувшихся в ее кожу, продырявивших насквозь до сердца. Забыв, кто она, Леда накинулась на отца, опрокинула его на пол и вогнала в грудь нож. Она давила ладонями на рукоять, пока та не дошла до основания.

Зрачки отца расширились, дыхание остановилось.

Повисло спасительное молчание, которое прерывалось всхлипами Леды.

– Папа? – прошептала она, легонько касаясь его плеча. В другой ее руке все еще был зажат нож с окровавленным лезвием. – Папочка?..

Дикий хохот, сорвавшийся с его губ, потряс Леду до глубины души, и она осела на пол, наблюдая, как отец медленно приподнимает голову от кафеля, забрызганного и его и ее кровью.

– Ты же не думала всерьез избавиться от меня, моя сладкая конфетка? – его пожирающий взгляд коснулся ее оголенных плеч и шеи. – Сейчас начнется самое интересное.

– Да, – отозвалась Леда, глядя перед собой. – Сейчас начнется самое интересное.

Зачем она пыталась притворяться, что это ее выбор?

Он не ее. Это выбор ее отца. И даже сейчас, когда она поднесла к своему горлу нож и полоснула по коже, это решение не было ее решением. Из рассеченной шеи на грудь хлынула кровь, где-то в мозгу раздался голос ее отца, но она уже не слышала его. Прежде чем умереть, она успела подумать лишь об одном: нужно было сделать это пятнадцать лет назад, когда еще не было поздно. Когда ее тело было невинным. Когда ее душа не горела в аду.

Нужно было убить себя раньше.

В это же время, когда за окном бушевала гроза и сверкали молнии, Кая Айрленд в городской больнице ни о чем не успела подумать. Она возвращалась из ванной комнаты, где чистила зубы. На ее плече висело темно-синее полотенце для лица, а в руке был зажат чехол с зубной щеткой и пастой.

Ее шаги отдавались эхом от стен, над головой мигал свет – все как обычно. А затем она внезапно остановилась посреди пустынного коридора и выронила чехол. Тот со стуком упал под ноги.

Со стороны могло показаться, что Кая Айрленд удивлена. Она застыла посреди коридора будто статуя, не двигалась и не дышала. Ее глаза стали такими огромными, что до последней капли вобрали внутрь себя черноту спящей больницы.

Снаружи с ее телом ничего не происходило, но внутри – да. Сначала загорелись ноги, затем туловище, руки и голова. Все вспыхнуло огнем, за мгновение пламя выжгло лицо и волосы. От боли Кая Айрленд даже не могла закричать, не могла ступить и шагу. Она просто стояла посреди сумрачного коридора, а затем ее колени подкосились, и она с чудовищным грохотом, ломая разом все кости, рухнула на пол.

Глава IV

Тысяча бессонных ночей

Открыв глаза, Леда Стивенсон увидела незнакомый потолок. Лежала она под тяжелым одеялом черного цвета с темно-бордовыми ромбами. В воздухе присутствовал едва уловимый запах геля для душа и сырости – от балконной двери сквозило, по запотевшему стеклу лениво катились дождевые капли.

Леда с трудом села и совсем не удивилась, обнаружив, что мамино кружевное платье куда-то исчезло, а вместо него появилось широкое, темно-коричневое, в точности мешок из-под картошки. Леда нахмурилась, снова оглядевшись. Одежда – ее, комната – чужая.

Внезапно ее осенило, она догадалась, где находится. Откинув одеяло в сторону, она ступила на прохладный деревянный пол и, поправив платье и пригладив волосы, вышла в проем между ширмой и книжным стеллажом, разделяющими комнату на две части. Она тут же застыла, увидев детектива Дина. Одет он был по-домашнему: в свободную футболку на выпуск и темные спортивные штаны.

Детектив находился в том углу квартиры, который имел честь называться кухней. От основного пространства угол отделялся стойкой и двумя табуретками. Кроме того, здесь уместились буфет, две рабочие тумбочки, плита и небольшой холодильник. Детектив Дин как раз пытался что-то приготовить – Леда услышала его невнятное бормотание:

– Так... курица есть, вода тоже есть... мм... – Он посмотрел куда-то в сторону и вновь произнес: – Лук, петрушка... морковь. Ага, все есть, отлично!

Леда осторожно приблизилась.

– Что вы делаете?

– Господи! – Детектив Дин испуганно обернулся, обронив пачку с солью, и уставился на Леду. Несколько секунд спустя он пробормотал: – Прости. Совсем забыл, что ты в соседней... э-э... комнате. У меня здесь нечасто бывают гости.

Леда бесстрастно спросила:

– Зачем вы это сделали?

– Зачем сделал что? Зачем рассыпал соль?

Он специально насмехается над ней, поняла Леда и нахмурилась.

– Нет, мне все равно, чем вы занимаетесь в своей квартире и сколько соли рассыпаете. Зачем вы вытащили меня из ванны? Зачем вернулись в мой дом и вмешались? Вам не пришло в голову, что раз я была там, значит, я так решила? Зачем притащили меня сюда?

– Ты не оказывала сопротивления. И я сделал это потому, что я... пообещал твоей тете позаботиться о тебе.

– Моя тетя сейчас в вашем участке, она подозревается в преступлениях! – отрезала Леда. – И я очень сомневаюсь в том, что вы решили ей помочь. Вы не похожи на человека, который делает что-то по доброте душевной. Что вам нужно?!

Повисло многозначительное молчание, затем Дин спокойно сказал:

– Нет.

– Нет? – переспросила Леда, чувствуя себя уязвимой. Она ненавидела это – быть не как все, быть белой вороной, быть той, на кого обращали внимание, в кого тыкали пальцем, пинали, издевались. И вот теперь на нее обратил внимание этот странный человек, который теперь чего-то от нее хочет.

– Нет, – мягко подтвердил Дин, глядя ей прямо в глаза, – я ничего от тебя не хочу.

– Вы ничего не должны моей тете, поэтому я не вижу в ваших действиях смысла.

– А я не вижу смысла в этом рецепте для приготовления бульона!

Леду не так-то просто было сбить с толку, она возмущенно повысила голос:

– Почему вы не воспринимаете серьезно мои слова?! Несмотря на сказанное тетей Лаурой, вы не имели права лезть в чужую жизнь!

– Это моя работа, девочка, спасти людей.

– Я не девочка!

Дин тяжело вздохнул, а Леда вдруг увидела за его плечом своего отца и похолодела. Его дорогая импортная рубашка была в крови, из груди все еще торчал нож. Голубые глаза блестели насмешкой. Он кивнул на Дина и улыбнулся Леде, шепнув одними губами, будто детектив мог его услышать:

– Ничего ему не нужно, а? И ты веришь в это, малышка? А ты ведь хочешь его, да? Его тело... – Отец осмотрел нахмурившегося детектива Дина, стоящего к нему спиной, с головы до ног и вынес вердикт: – В отличной форме.

– Что? – смущенно спросил Дин. В этот момент, увидев, как Леда Стивенсон смотрит на него, он *впервые* засомневался. Нет, он не жалел, что спас ей жизнь; он не жалел, что перевязал ее хрупкие запястья, на которых остались отпечатки его пальцев. Но он пожалел, что привел ее в свою квартиру. Квартирка была его тихой гаванью, никто, кроме покойного детектива Гаррисона, не был у него в гостях. Здесь Дин мог подумать о своей жизни и о том, к каким чертям она катится, о поисках Криттонского Потрошителя, о неизвестном Ангеле Милосердия. Но теперь здесь эта чудачка Леда Стивенсон, которая немножко, самую малость (он бы никогда не признался) наводит на него страх.

– Ничего... – слабым голосом прошелестела Леда, глядя за плечо детектива. Отец кивнул на его напряженную спину в мятой футболке:

– Не знал, что тебе нравятся такие типы, Сахарок. – Леду при этом прозвище передернуло, и Дин сильнее нахмурился. Он предчувствовал очередной ее «закидон». Вдруг сейчас начнет бегать по его квартире и все крушить и ломать? А как же его замок? *О нем-то Дин не подумал.*

– Он мне не нравится, – ответила Леда. Детектив резко обернулся и в упор посмотрел на стену позади себя, затем на холодильник и в окно, за которым чернела ноябрьская ночь.

– С кем ты разговариваешь? – спросил он, подозрительно глянув на гостью. Но она вдруг с упреком спросила:

– Вы трогали меня?

Дин растерялся. Что с этой девушкой? Говорит так, словно он какой-то маньяк, заманивший ее к себе для непотребств и пыток. И странный подбор слов – *вы трогали меня* – что она хочет выяснить? И с кем она только что разговаривала?

Дин чувствовал, что ответ ему не понравится. Он сказал:

– Если под «трогать» ты подразумеваешь, что я передел тебя в сухую одежду и привез к себе, тогда да.

Леда слотнула, и детектив готов был поспорить, что ее щеки порозовели. Это точно не из-за плохого освещения в его квартире – она явно смутилась. Дин уже хотел разъяснить ситуацию, чтобы Леда не придумала лишнего, однако не успел, потому что она отвернулась и зашагала назад в спальню.

– Я должна вернуться домой, – решительно заявила она. Дин заранее предугадал такой поворот событий, поэтому был готов и поспешил следом.

– Я же сказал: я к тебе и пальцем не притронулся. Не в том смысле, в каком ты подумала. Я тебя не трогал, Леда.

– Неважно, – отрезала она, – теперь вы в опасности. Теперь он точно придет за вами, детектив Дин. Он не простит этого, точно не вам. И не мне.

– Кто за тобой придет? Тот, кто... из-за кого ты...

Леда резко обернулась, едва не столкнувшись носом с грудью Дина. Он отступил на шаг, а Леда, шумно дыша будто после пробежки, севшим голосом сказала:

– Он и так уже избил меня, и больше я не вынесу. Не из-за вас.

Чего? Дин не мог взять в толк, что здесь творится.

– О чем ты говоришь, Леда? И ты никуда не пойдешь. Сегодня переночуешь у меня, а завтра я отвезу тебя в участок к твоей тете.

– Я не могу у вас остаться.

– Можешь, – возразил Дин, подтверждая слова кивком, – я буду спать на диване.

– У вас нет дивана, детектив Дин.

– Леда, мы должны с тобой поговорить. Этим и займемся. – Дин приблизился и осторожно, но настойчиво вырвал из руки девушки одеяло, которое она зачем-то схватила. Леда покачала головой, а он кивнул: – Да. Да, Леда. Сейчас ты успокоишься, а я приготовлю бульон, и мы сядем за стол и поговорим о том, что здесь происходит. Ты мне все расскажешь ничего не утаивая, и я смогу тебе помочь, потому что это моя работа. Не пугайся, Леда, и не беспокойся за меня. Мне-то никто не причинит вреда. А если ты продолжишь покрывать человека, который тебя мучает, это будет продолжаться до конца твоих дней. Но ведь ты этого не хочешь?

Она покачала головой, загипнотизированная голосом детектива Дина. Не успела заметить, как он заправил постель и усадил ее на одеяло, попросив подождать. Только оставшись в одиночестве, она вспомнила слова отца о *желании*. Вспомнила его похабную усмешку и прищур глаз.

Как он может после того... после того, как сделал...

Леда прикрыла глаза и тут же почувствовала, как ноет тело от невыносимой боли. Ей нужно домой. Ей нужно довести дело до конца. Отец знает, что она у детектива Дина, и поэтому не только она, но и этот добрый, но странный мужчина в опасности. Решившись, Леда вернулась на кухню и встала сбоку от детектива Дина.

– Я должна вернуться домой.

– Пока что нет. Пока мы не поговорим и не проясним ситуацию – нет. Пойми, – говорил он, не отвлекаясь от занятия, – так всем будет лучше. Пока ты под моей опекой, твоей тете будет спокойнее. Здесь тебе ничего не грозит. Все будет хорошо, пока ты здесь.

– Ну, хорошо. – Леда решила на время уступить. В ее голове мелькнула мысль: *а вдруг рядом с детективом Дином ей действительно будет спокойно? Вдруг наконец-то все будет хорошо?* Но потом она одернула себя: никому не будет хорошо от того, что она здесь. Но это ведь не продлится долго? – Я останусь у вас, пока вы не зададите все вопросы. И вернусь домой.

– Еще бы.

– Я могу помочь с готовкой.

– Спасибо, но нет, я и сам прекрасно справляюсь. Это всего-навсего куриный бульон!

– Вы положили в кастрюлю целую курицу.

– И что? – Дин обернулся к кастрюле, из которой торчали куриные лапы. – Это ведь куриный бульон, вот я и положил. Ну ладно, – он быстро сдался, решив, что, если отравит девочку, его за это по голове не погладят и назад в участок на прежнюю должность не вернут. Форма разносчика пиццы все еще маячила перед глазами каждый раз, когда он вспоминал слова шефа. – Можешь брать все, что тебе потребуется.

Он уступил Леде Стивенсон место у своей плиты, а сам присел за стойку. Дин убедился, что Леда не совсем нормальная, а может, даже чуточку сумасшедшая. Странно. Зачем Лаура, убив целые семьи, забрала свою племянницу домой из исследовательского центра? Зачем ей лишний свидетель? Или она довела племянницу до сумасшествия и получала удовольствие, видя, что той никто не верит?

– Это сделал друг твоей тети? – наугад спросил Дин, глядя, как умело Леда разделяет курицу.

– Сделал что? – она притворилась, что не поняла вопроса, и даже не отвлеклась от работы.

– Я спрашиваю это не для того, чтобы обидеть тебя, – заверил Дин, выпрямляясь на табурете, – я просто хочу защитить тебя. Это...

– Ваша работа, вы говорили! – отрезала Леда. – Я не хочу... ничего рассказывать.

– Это чудовище на свободе, Леда. Если ты не решишься, тогда этот монстр возьмется за кого-то другого, за другую девушку. Ведь ему может понравиться еще кто-нибудь...

Леда резко обернулась с вытаращенными глазами и открытым от ярости ртом. В ее пальцах все еще дрожал нож, и Дин бросил на него мельком взгляд, но затем вновь посмотрел в перекошенное бледное лицо гостьи.

– Леда, мы должны спасти не только тебя, но и других девочек.

Она лишь беззвучно покачала головой. Пыталась подобрать подходящие слова, но их просто не было. Она вновь подумала, что должна была уйти в ту же секунду, когда очнулась в квартире детектива Дина. Теперь Леда отчетливо поняла, почему он ее спас. Не потому, что так попросила тетя Лаура – детектив Дин притащил ее сюда для того, чтобы самому замучить до смерти своими глупыми вопросами.

Она ударила себя кулаком по виску, раздосадованно воскликнув:

– Ну зачем, зачем я осталась?!

Дин среагировал тут же: он стремительно подскочил и вырвал из руки Леды нож, а затем обошел стойку и бросил его в раковину. Леда не замечала ничего вокруг – она стучала по голове кулаком, будто так могла получить ответ на собственный вопрос. Дин не выдержал и, чувствуя в горле желчь, взял ее за запястье. Она миглом очнулась и стремительно шарахнулась в сторону, врезалась спиной в холодильник, и тот зашатался. Из-за двери, некогда белой, а теперь покрывшейся ржавчиной, послышался характерный хруст – опрокинулась полка с яйцами.

Леда уставилась на пальцы Дина на своей руке, и он отступил, сказав с расстановкой:

– Хорошо. Я не прикасаюсь к тебе. Я тебя не трогаю, но и ты веди себя разумно, договорились? Не нужно бить себя, Леда. Даже если ты совершила ошибку, не нужно наказывать себя. Хорошо?

– В данном случае эта ошибка стоит жизни! Не только моей, но и вашей!

– Я не дам себя в обиду, – пообещал Дин. Он начинал испытывать небольшое раздражение по тому поводу, что привел домой невменяемую девицу, которая совсем себя не контролирует. А ведь по виктимологии у него была стойкая четверка. *Возможно, потому, что лекции читывал профессор Лесницкий – лучший друг Майкла Гаррисона со времен университета...*

– Он сильнее вас, – шепотом сказала Леда, украдкой вытирая щеки футболкой Дина. Она отвернулась от него, глядя в сторону стола, где на дощечке лежала курица. Выпустив футболку Дина из пальцев и облокотившись о холодильник, Леда нехотя произнесла:

– Он говорит мне плохие вещи... о... о вас.

– Какие плохие вещи? – так же тихо спросил Дин, с трудом сдержавшись, чтобы не осмотреть быстрым взглядом свою крохотную квартиру. Он вспомнил, как полчаса назад Леда говорила сама с собой, и поежился.

– Он говорит... что вы... причините мне боль.

Дин скрестил руки на груди и несколько секунд терпеливо ожидал продолжения. Но Леда только рассматривала их отражения в черном стекле. Поняв, что никакого продолжения нет, Дин уточнил:

– И все? Что он еще сказал, Леда?

Про себя Дин решил, что утром обязательно позвонит доктору Гаррисону, чтобы тот провел дополнительную экспертизу. Или что-то еще. Леда Стивенсон не выглядела здоровой.

Она вдруг посмотрела на него так, словно видела насквозь, и каждую мысль, проскользнувшую в его сознании, впитала в себя; одарила его таким взглядом, что он едва сдержался,

чтобы не отойти на шаг назад. Но это было бы ребячеством. Он – взрослый мужчина, а она – просто девушка. Не обычная, но все же девушка.

За окном ревела буря, поднимая в воздух опавшие листья и безжалостно швыряя в пропасть, и гул пробрался в голову Дина, пока он неотрывно смотрел в глаза Леды. Из-за тусклого освещения они казались прозрачно-голубыми, совсем как стеклянные.

– Он говорит: следи за ним внимательно, Леда... – ее голос истончился, будто паутинка, и Дина передернуло. Ему казалось, будто за голубыми стеклами ее глаз прячется кто-то разумнее и хитрее. Леда опустила голову, скользнув взглядом по животу Дина, и он увидел, как ее шея покрылась бурыми пятнами. – Он говорит, что, когда я отворачиваюсь, вы внимательно смотрите на меня. Он говорит... что вы хотите, чтобы я села к вам на колени, чтобы целовала в губы, щеки, шею...

Последние слова что-то про «адское желание» Леда едва пробормотала, глотая слезы и утирая лицо длинными рукавами платья. Дин хмуро смотрел на ее макушку – Леда так и не подняла головы, – а затем подошел к посудной полке, достал высокий граненый стакан и наполнил его водой из чайника. Он размышлял, что должен сказать и стоит ли вообще *говорить*. Протянул ей стакан, и она робко взяла его, едва не выронив из рук. Дин осторожно, стараясь звучать мягко и тактично, спросил:

– Кто этот человек? Ты ему веришь? – На самом деле Дин хотел задать совсем другой вопрос. Он хотел спросить, верит ли она *голосу* в своей голове, но решил, что тогда последует новый нервный срыв, а он едва начал разбираться в происходящем и не хотел все портить.

Леда осмелилась поднять голову. Дин решил, что она пытается понять реакцию на его слова, и специально принял бесстрастный вид.

– Нет, я ему не верю. Когда-то верила, но не теперь. Я знаю, что он обманщик. – По ее щекам покатились слезы. – Я лишь знаю, что он очень силен. Он сильнее вас, детектив, он сильнее всех.

Дин не отличался отменным терпением, поэтому снова полез в самое пекло и спросил напрямик:

– Это твой отец?

– Да почему вы постоянно спрашиваете об этом?! – Она всплеснула руками и, ударившись о стол, застонала. Дин достал из страшного холодильника пакет со льдом и протянул ей. Со злым выражением лица она приложила его к запястью.

– Потому что я знаю правду, вот почему. – Дин скрестил руки на груди. – Твой отец мучил тебя с самого детства, и ты никак не можешь научиться жить без него. Леда, он уже мертв, ты в безопасности.

Она снова заплакала.

– Вы совсем ничего не знаете, детектив Дин. Вы не знаете, каково это – постоянно жить в страхе, прислушиваться к шагам, останавливающимся у двери твоей комнаты, вздрагивать от каждого шороха. – Дин хотел попытаться встрять в монолог, но Леда продолжала горячиться, распаяясь все сильнее: – Не нужно притворяться понимающим! Не нужно делать вид, что вы все знаете и можете помочь, потому что от него мне не избавиться никогда! Не имеет значения, сколько я буду резать себя, неважно, сколько раз попытаюсь себя убить, я никогда не избавлюсь от него! Потому что он внутри меня, он часть меня!

Дин потянулся к Леде, не представляя, что сделать, чтобы ее успокоить, но она отпрыгнула в сторону.

– Просто позвольте мне завершить начатое, и все! Не нужно меня спасать!

– Ты всегда уклоняешься от темы, когда речь заходит об отце, – заметил Дин, опять скрестив руки, чтобы больше не искушать судьбу. Леда Стивенсон чем-то неуловимо напоминала ему его мать. Истеричная, немного невменяемая. *Они просто не могут иначе.*

Она, возможно, где-то в глубине души хочет бороться с внутренними демонами, хочет победить их, но не может. Она слишком слаба. Как и его мама. Они хотят освободиться от боли, и кто-то должен помочь им сделать это. Кто-то обязательно должен их спасти.

– Я уклоняюсь от темы, – начала Леда с жаром, даже не подозревая о мыслях Дина, – потому что мне больно говорить. Больно не только морально, но и физически. Потому что, когда я начинаю говорить о нем, каждая из ран на моем теле начинает кровоточить. Вы совсем не знаете, каково это – испытывать боль от любящего человека. А я знаю, что это значит, когда тебе нужна помощь, но тебе не к кому обратиться, потому что единственный человек, который должен тебя любить, любит тебя совсем другой любовью! Больной любовью! Вы не знаете *ничего!* – выкрикнула Леда, яростно швырнув лед на стол и вихрем огибая стойку.

Дин тяжело вздохнул и склонил голову в надежде, что придумает, как выпутаться из этой сложной ситуации. Но когда он обернулся в сторону крохотной гостиной и встретился взглядом с пронизывающими голубыми глазами, он не поверил увиденному.

В его крохотной квартирке, где кроме разваливающейся мини-кухни, старой кровати и письменного стола почти ничего не было, Леда Стивенсон разделась. Руки безвольно повисли вдоль тела, а платье упало к ногам. Даже не попытавшись прикрыть грудь, Леда повернулась к Дину спиной. Он был поражен ее поведением и даже забыл, как дышать. Секунду назад она смущенно бормотала и краснела, затем орала, а теперь обнажилась. Сперва Дин не мог оторвать взгляда от ее молочно-белой кожи, а потом увидел шрамы. Они перекроили спину длинными уродливыми полосами, спускались к резинке трусиков, ползли лианами по ногам, набегали друг на друга как таинственный бордовый узор. Кое-где кровь засохла, а где-то начала кровоточить вновь.

Дин прикипел взглядом к обнаженной по пояс Леде Стивенсон, стоящей лицом к столу, где высился картонный замок. Дин хотел вызвать «Скорую». Он хотел позвонить доктору Гаррисону. Он хотел вызвать священника на дом, потому что чудачка Леда Стивенсон напомнила ему сцену из какого-то фильма ужасов про демонов, вселившихся в человеческое тело. И еще Дин хотел прикоснуться к ней и убедиться, что она не мираж.

Совсем недавно, когда та дамочка по фамилии Томпкинсон постучала в окно его машины, Дин даже не догадывался, чем все может обернуться.

Леде нездоровится, – без обиняков сказала она, кивнув головой в сторону дома Стивенсонов, откуда только что вышла. – Ты ведь потому тут сидишь? Боишься, она что-то вытворит? Она чуточку того, ну, знаешь, у нее не все дома, но она хорошая девочка! Это правда, что вы женитесь? Ты иди внутрь, Дин, нечего глазеть на меня. Иди, пока Леда чего-нибудь не сделала. Давай же, ну! – И она повелительно хлопнула ладонью по стеклу, а затем направилась к своему дому, даже ни разу не обернувшись.

Дин решил прислушаться к словам соседки, а потому вовремя успел вытащить Леду из ванны; и когда стянул с нее ужасную сорочку, похожую на саван, и передел в первую попавшуюся одежду, он не видел никаких шрамов.

Был слишком сосредоточен на том, чтобы спасти ей жизнь.

Дин позвонил Аманде Крестовски и предупредил, что Леда у него.

– Вы встречаетесь, что ли? – удивилась та.

– А ты что, ревнуешь?

– Да брось! Расскажешь мне все подробности, когда привезешь пиццу, дружок.

– Никакой я тебе не дружок, Аманда. Просто говорю: Леда Стивенсон пока что поживет у меня. Ни к чему ей видеть дом, полный призраков.

– Это не вполне законно.

– Она ж совершеннолетняя, так что все нормально.

– Как же ты меня бесишь... – но Аманда не договорила, потому что Дин бросил трубку.

На самом деле, если бы в мире Эндрю Дина существовало понятие «дружба», *если бы он вообще*

был способен на близкие отношения, то Аманда, возможно, стала бы кем-то большим, чем просто приятельницей. Хоть она и считала его чокнутым, а он называл ее «рыжей бестией», между ними существовала крепкая связь.

Леда продолжала стоять перед ним голой. Она хотела, чтобы он рассмотрел каждый ее шрам и ужаснулся. Или пожалел. Леда явно чего-то ждала, но Дин не знал, чего. Он собрал волю в кулак, чтобы не шагнуть к ней. Боялся напугать ее и смутить. А Леда Стивенсон, похоже, ничего не боялась.

– Леда, это он сделал? – глухо спросил Дин, изучая ее шею, лопатки, локти.

– Он сказал, что вы не станете смотреть на меня, детектив Дин, – прошептала она, не поворачивая головы.

Дин хотел сказать, что видел вещи и похуже, но не стал. Леда права, он не знает, что она чувствует. Над ним никто никогда не издевался, его даже не били. Хоть мама и покончила с собой, она любила его так сильно, что готова была на все ради него. Отдавала ему самое лучшее.

– Ты права, – наконец сказал он, и Леда испуганно обернулась. Между ее бровей залегла морщинка, короткие волосы топорщились, словно перья у птенчика, выпавшего из гнезда. Дин склонился, поднял с пола платье и осторожно надел его на Леду, стараясь не пугать ее резкими движениями. Просунув ее худые руки в рукава, он отошел на безопасное расстояние, добавив:

– Ты права, я не знаю, что ты чувствуешь.

Про себя он рассудил, что раз Леда обнажилась перед ним, встала к нему спиной и даже позволила одеть, а он не притронулся к ее телу и не проявил никакого *интереса*, теперь она станет ему доверять.

– Леда, твой отец должен был научить тебя любить, должен был стать твоей поддержкой и опорой. Я не знаю, что ты чувствуешь, но знаю, что он не имел права заставлять тебя это чувствовать. И ты меня совсем не знаешь. И не знаешь, что чувствую я.

Ее губы приоткрылись. Дин тоже удивился, что завершил свою пафосную речь признанием. Обычно из него, говорил детектив Гаррисон, слова не вытащишь. Дин, хоть и понял, что сболтнул лишнего, решил не сворачивать, а шагать только вперед.

– Моя мама покончила с собой у меня на глазах. Она не видела меня, но я думаю, что даже если бы она знала, что я стою там... ее желание... оно было сильнее ее чувств ко мне. Сильнее ее любви ко мне. Сильнее всего. Она хотела освободиться от боли и выбрала этот способ.

Говоря об этом, он смотрел прямо в стеклянные глаза Леды. Она несколько раз моргнула, продолжая выглядеть как потерянный птенец, и, обхватив себя руками, шепнула:

– Мне жаль, простите.

Дин только покачал головой.

– Я пытаюсь помешать смерти, Леда. Позволь мне убереечь тебя.

– Но ведь я сказала!..

– Леда. – Дин недолго думая взял ее за щеки горячими ладонями, и она замолчала, будто кто-то нажал на кнопку выключения звука. Он громко и отчетливо произнес: – Просто поверь мне. Я из полиции. Я смогу тебя защитить. Ты уже в моей квартире. – Он развел руки в стороны. – Никто не знает этого адреса. Никто не придет сюда за тобой. Никто не станет тебя преследовать, пока ты находишься здесь. Я лишь прошу тебя: помоги мне прояснить кое-какие детали.

– Но... как я могу вам помочь, детектив?

Внешне Дин был спокойным и собранным, но внутри ликовал. Она верит ему. Не елозит взглядом по стенам его мрачной квартирки, лишь бы не встречаться с ним глазами. *Она говорит с ним.*

– Для начала расскажи о своей семье.

* * *

Мне снова снился Ной. С тех пор как я узнала правду, он постоянно мне снился. Молча смотрел на меня, что-то мысленно говорил. Часто мои сны были эхом приятных воспоминаний. Тогда мои руки оказывались на плечах Ноя, а его на моей талии. Или я прислонялась к его спине щекой, просила не оборачиваться, слушала спокойное сердцебиение. Мне часто снилось, как Ной нежно целует меня. А иногда счастливые воспоминания обрывались, и тогда из черной пропасти поднималось что-то нехорошее и дурное.

Сейчас Ной не улыбался, не ехидничал. Он стоял в шаге от меня, но казалось, находился внутри. Ничего не говорил, но казалось, кричал – его взгляд был жарче и красноречивее слов.

– *Тогда я больше не стану бороться.* – Мелодичное эхо моего голоса разлетелось вокруг нас с Ноем, стоящих друг против друга, утонуло в темноте. Ной не удивился, услышав мой ответ, полный горечи.

– *И не надо, Кая. Я буду бороться за тебя. Каждый день, как и раньше.*

Когда он ступил ко мне, собираясь обнять, я резко очнулась.

Потолок ординаторской. Подо мной жесткая обивка дивана. Пахнет медом и пирожками с абрикосовым вареньем – аромат проник в реальность из воспоминаний. Я повернула голову в сторону и замерла, увидев, что в кресле напротив сидит девочка лет семи или восьми. На ней была зеленая курточка, красное вязаное платьице с белым бантом, штанишки и сапожки. На фоне окна, куда бесцеремонно заглядывал серый утренний свет, девочка казалась фарфоровой куклой. Ее глаза бесстрастно наблюдали за мной, будто ждали какой-то реакции. Чувствуя себя не в своей тарелке под ее пристальным взглядом, я осторожно села и уже собиралась поинтересоваться, почему она здесь сидит, когда дверь распахнулась и в ординаторскую проскользнул Дориан в белом халате и отутюженном костюме.

– Повезло, что тебя нашел я, – без обиняков начал он. Краем глаза я уловила движение – девочка поднялась с кресла и обошла стол. – Будь это кто-то другой, пришлось бы спускаться в морг за твоим телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.